MAY

1

mai

maj

ОГОНЁК
№ 18 АПРЕЛЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

maj

mayo

МАЯ

ДА ЗДРАВСТВ

МОНОЛОГ

УЕТ 1 МАЯ!

ВЕСНЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 18 (2131)

27 АПРЕЛЯ 1968

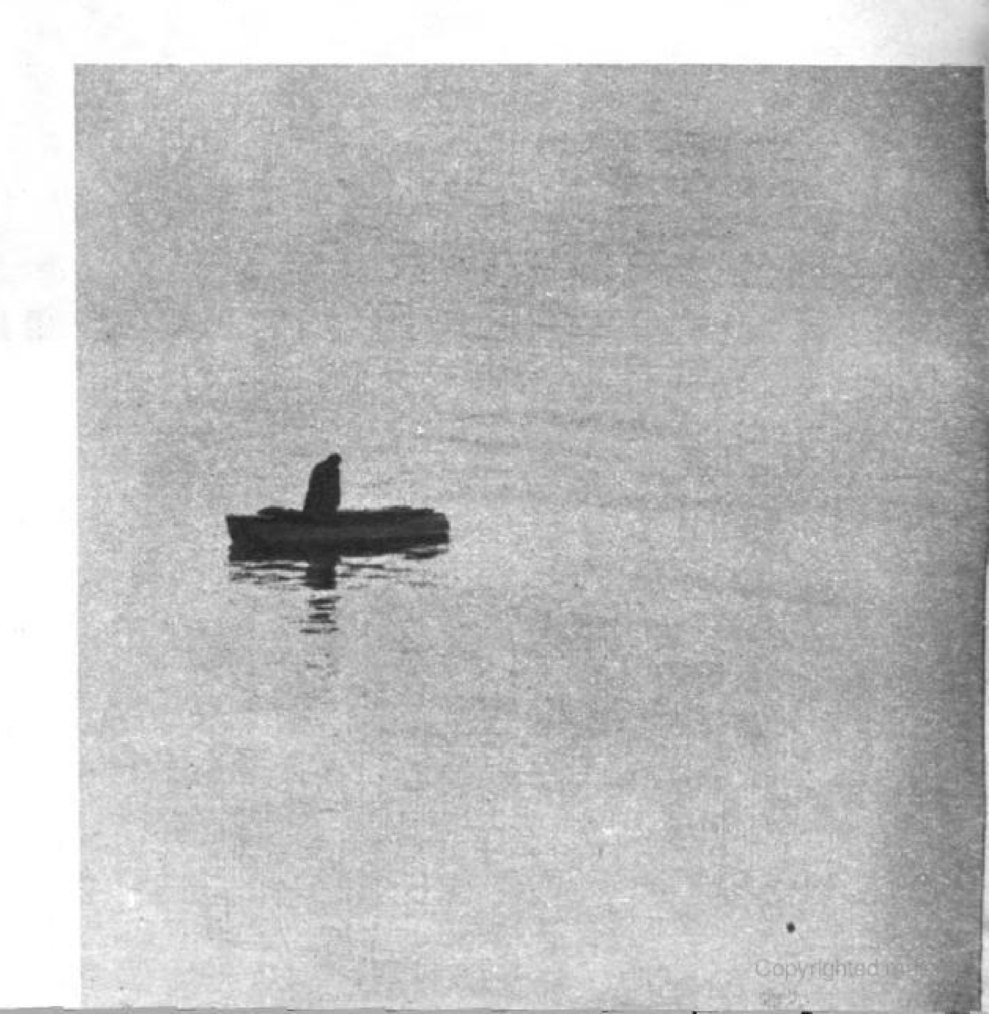
Михаил АЛЕКСЕЕВ

Фото А. Бочинина, А. Гостева, К. Каспиева, Б. Кузьмина, В. Попкова, Л. Шерстенникова.

Да, слово предоставлено (а точнее сказать, она сама взяла его) весне 1968 года, и нам остается лишь внимательно и до конца выслушать его. Впрочем, вряд ли нам удастся остаться при этом тихими, молчаливыми слушателями и созерцателями, ибо весна напрочно поселилась и в нас, как и в тех студентах из Калининского политехнического института. Стремительно надвигающаяся сессия не в силах омрачить их лиц. Не темные тучи над студенческими головами, а белоснежные облака, пронизанные майскою синевой высоких небес. Слушая весну, они приветствуют ее, живописно разместившись на ажурном мосту через Волгу, а она, матушка, несет, мчит шалые вешние свои воды вдаль, зовет куда-то, манит, рождая не совсем еще ясное, но непременно обещающее что-то очень светлое, очень хорошее и радостное впереди. Не об этом ли говорят воздетые над ясным миром руки юношей и девушек, их жесты, улыбки?!

Весна многоголоса. Ни одному еще, даже самому гениальному, музыканту не удалось уловить чутким своим ухом и затем передать нам все ее мелодии. И все-таки у весны есть свои избранники, ее глашатаи и трубадуры. Из дальних-предальних полуденных стран они, крохотные, отважно совершают свои путешествия на север, к милым и родным пределам, и, не успев передохнуть, захлебываясь и замирая от безмерного счастья, поют нам свои весенние песни. Вот и этот голосистый хозяин скворечника попал в объектив камеры, и надо думать, очень скоро до слуха людского донесется сперва едва слышный, затем все усиливающийся, властный крик новой жизни. И это опять он, ослепительно звонкий голос весны.

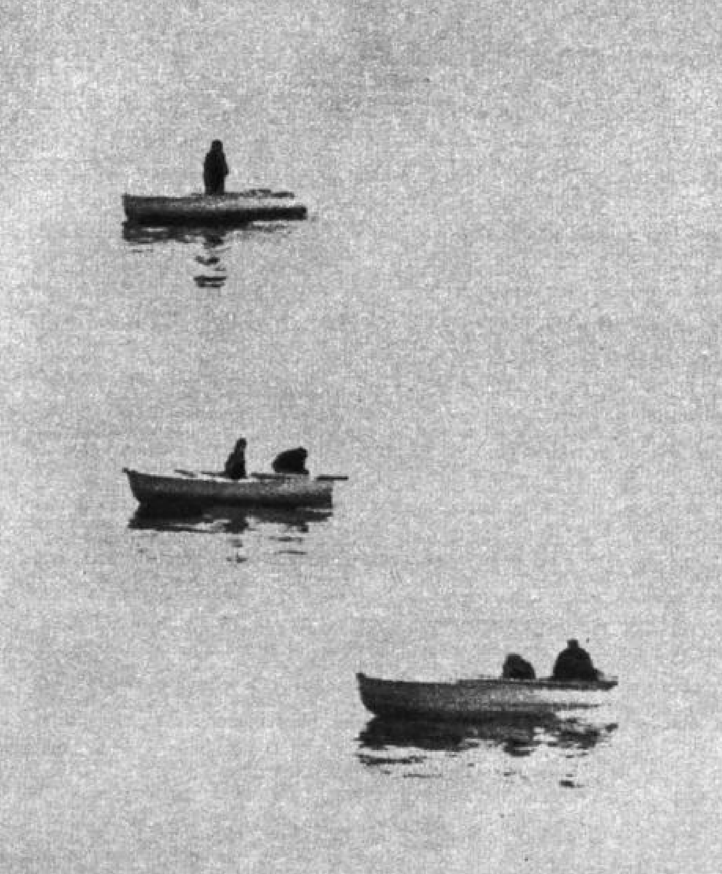
Мы внимаем ему и в праздник и в будни. Но весна спутала, перемешала эти привычные, казалось бы, понятия. «Мир, Май»,— начертали ярославские девчата, будущие маляры, на кирпичной стене строящегося

нового дома. Кто, глядя на них, отважится сказать, что заняты они будничным делом! Чтобы указать нам на то, что у них на сердце, девчата нарисовали не одно, а сразу два солнца: одного им просто мало, поскольку в крови буйствует весна! Хотя в эти же весенние дни мы могли бы увидеть и очень серьезных, очень суровых и сосредоточенных людей, и понять их можно: люди эти заняты чрезвычайно важным делом — они удят рыбу. Поглядите, какие озабоченные спины и затылки у волгоградских рыболовов, может быть, впервые этой весной приплывших сюда попытать рыбацкого счастья. Они молчаливы и даже сумрачны с виду,— но только с виду,— но и их сердца поют, поют даже тогда, когда мимо промчится крылатый водяной по имени «Метеор» и распугает рыбу. Весна позвала их на эти просторы, и не отыскалось бы таких сил, которые смогли бы удержать рыбака дома... Кто знает, крайний ли слева, крайний ли справа или кто-нибудь из тех, что посредине,— но кто-то из них уж непременно был солдатом и сражался в родном городе в грозном сорок втором году. Может быть, ранним утром, отправляясь на рыбную ловлю, проходил мимо вон той танковой башни, ставшей памятником, и что-то дрогнуло, больно кольнуло внутри у человека; может, лицо павшего товарища мелькнуло на минуту перед вмиг погрустневшим взором. Но воспрянувший из пепла и кирпичной пыли над великой рекой прекрасный город отпугнет, снимет эту минутную и глубокую печаль. Удивительная жизнь шествует, зовет и тебя. Широкая, ясная, солнечная человеческая улыбка — не лучший ли это памятник павшим ради жизни и во имя жизни!

...Надо сеять хлеб, надо бросать в теплую весеннюю землю, исполненную нетерпеливой жажды материнства, семена, чтобы через несколько дней показались стремительные жальца всходов и над целым миром вырос зеленый лес не смерть несущих, а жизненосных штыков. Может, иными словами сказали б обо всем этом сеятели из саратовского колхоза имени Фрунзе, занятые делом, гуманнее и мудрее которого не бывает на свете, но они-то уж хорошо знают: страна ждет от них большого хлеба. Весна торопит, и каждый ее день — воистину золото в наивысшем его эквиваленте.

Надо сеять хлеб, надо растить детей; пускай они радуются весне, как вон те волгоградские малыши; пускай любуются золотистыми сережками верб, развешанными специально для них ясноликой, доброй весною; пускай волна за волною сменяют друг друга поколения людей, насладившись земными радостями. Не в этом ли мудрость жизни!

Однако не рано ли поскидали с себя рубашонки ученики 35-й школы Леня Сорокин и Толя Асанов? И в какой это день в городе Ульяновске так жарко припекало солнышко, что можно было выйти на берег Волги и поиграть песочком? Может, в двадцатых числах апреля? Юные земляки, правнуки Ильича, скажите: о чем вы думали в ту минуту?.. Мир, в который вы пришли, получен вами как самое великое наследство из ленинских рук. Берегите же этот мир! А пока вы еще малыши, играйте в песок, кувыркайтесь на берегу Волги, подрастая, накапливайте побольше сил. Не забудьте, что вам еще надо будет стать хорошими солдатами, потому что землю, полученную вами в наследство, надо не только обогащать трудом своим, но и охранять: у нее пока еще есть враги, много врагов...

И тут, хотели мы того или нет (скорее всего нам этого не хотелось бы!), но в монолог весны сами собой, непрошено вторгаются горькие слова. Что может быть обиднее того, что в эти весенние, осиянные солнцем, овеянные теплым и ласковым дыханием мая дни, когда бы только слушать песни да шепот влюбленных, на этой же самой земле где-то рвутся бомбы и снаряды, льется кровь, где люди не могут радо-

ваться восходу и заходу солнца, распускающемуся лепестку цветка, прозрачной, как счастливая слезинка матери, капельке росы на этом цветке, где люди не замечают прелестнейшей поры — весенней?!

...Жизнь, однако, продолжается. Пускай молодые граждане города Калинина Владимир Кликунов и Лариса Жукова не обижаются на нас. Говоря о событиях печальных, мы вовсе не хотели омрачить их первой весны, весны молодоженов. Не их вина, что на земле есть плохие люди, которые привыкли строить свое счастье на несчастье других. В свое время им, черным тем людям, воздастся полною мерой, великое отмщение уже грядет, оно не за горами, возмущенная совесть человеческая не потерпит этого злодейства. Будет мир и будет счастье и для юношей и девушек Вьетнама! К этому взывает, этого требует весна 1968 года.

А теперь немного помолчим и поглядим еще раз вокруг себя. Весна продолжает свой монолог. Видите склонившуюся над развешенными сетями астраханскую рыбачку — это перед большой путиной. Завтра в этих сетях затрепещут дары Каспия и Волги, и над великой русской рекой можно будет услышать песнь рыбаков — песнь без слов, протяжную и, кажется, вечную, неизменную. Ее певали в глухую старину, поют на Нижней Волге и теперь, но чтобы услышать эту весеннюю песнь рыбаков, надо вставать и выходить на берег реки самой ранней ранью: с восходом солнца песнь замирает...

Ну, а сейчас вновь поднимемся на север, в город Калинин, где мы и начали слушать голос весны. Потихоньку, чтобы не отпугнуть ее хорошую думку, подойдем и встанем за спиною этой девушки, студентки Люси Луповой. Послушаем, может быть, она что-то говорит, может, о чем-то просит весну? Но полно. Не сама ли весна 1968 года явилась пред нашими очами в образе этой прекрасной девушки?!

Осторожно ступайте по земле, люди! Не спугните весну!

«БУДУЩЕЕ ПРИНАДЛЕЖИТ НАМ»

Недавно в Советском комитете солидарности стран Азии и Африки состоялась дружеская встреча с генеральным секретарем Африканской партии независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса (ПАИГК) Амилкаром Кабралом. ПАИГК является массовой национально-революционной партией, которая возглавляет вооруженную борьбу народов так называемой «португальской» Гвинеи и островов Зеленого Мыса против португальских колонизаторов.

За пять лет этой кровопролитной борьбы с салазаровскими захватчиками вооруженные силы ПАИГК полностью освободили около двух третей территории «португальской» Гвинеи. В освобожденной части страны проведены большие демократические преобразования, создаются местные органы гражданской власти, народные суды, школы, медицинские пункты, система народных магазинов.

А. Кабрал привел такие цифры. Если перед войной во всей «португальской» Гвинее едва ли насчитывались одна-две тысячи учеников и несколько десятков школ, то сейчас в освобожденных районах создано около 160 школ, а количество учащихся в них дошло до пятнадцати тысяч детей.

Проводится широкая кампания по ликвидации неграмотности. В школах преподают квалифицированные педагоги, в госпиталях и медпунктах помощь оказывают знающие врачи и медсестры — все эти специалисты были подготовлены в основном в социалистических странах, в том числе в Советском Союзе. А. Кабрал выразил большую благодарность советскому народу за бескорыстную братскую помощь.

Широкий фронт борьбы распространяется на всю страну. Во многих районах, которые еще не освобождены от португальцев, контроль все равно находится в руках патриотов, а салазаровские войска вынуждены занимать оборонительные позиции в городах и укрепленных пунктах. Но и здесь они не могут чувствовать себя в безопасности. 28 февраля отряд Народной армии успешно атаковал военно-авиационную базу португальцев в аэропорту Бисау, которая расположена всего в десяти километрах от столицы. Во время этого налета были уничтожены контрольная башня, ангары и несколько самолетов, а также нанесен другой ущерб. Перед ПАИГК стоит большая задача по активизации борьбы за освобождение островов Зеленого Мыса, которые активно используются Португалией и ее партнерами по НАТО в качестве опорной и перевалочной стратегической базы для борьбы с национально-освободительным движением не только в португальских колониях, но и во всей Африке.

Политические и военные успехи ПАИГК привели к полному провалу пропагандистского трюка, каковым был задуман так называемый визит президента Португалии в Гвинею. Президент вынужден был передвигаться воздушным путем и только по укрепленным районам «своей» заморской территории или отсиживаться в Бисау под защитой португальских штыков.

Вандалы двадцатого века вымещают злобу на мирном населении освобожденных районов. Они используют современные военные самолеты, полученные от своих покровителей по НАТО, для бомбежек деревень и уничтожения посевов. Против беззащитных стариков, женщин и детей они применяют напалм, осколочные и фосфорные бомбы. На некоторые деревни совершали налеты группы от десяти до четырнадцати самолетов, и бомбардировки иногда продолжались по нескольку дней. Воздушные бандиты не остаются безнаказанными. В прошлом году патриоты сбили трех стервятников и повредили десять самолетов.

Под ударами Народной армии значительно упал моральный дух любителей легких военных авантюр. В качестве наемников в армию португальские власти вынуждены уже набирать уголовников. За последнее время все чаще случаи сдачи в плен, дезертирства из рядов колониальной армии. На сторону Народной армии переходят африканцы, которые силой были мобилизованы в колониальные войска. В марте через Сенегальский Красный крест ПАИГК передала Международному Красному Кресту трех военнопленных-португальцев. Этот гуманный акт ПАИГК является дополнительным обвинением в адрес португальских правителей, которые проводят жестокую политику террора и репрессий в отношении гвинейских патриотов. Мы не сторонники войны, заявил А. Кабрал, и готовы приостановить военные действия, но только при одном условии: чтобы португальское правительство безоговорочно признало наше право на независимость. За нашу свободу, сказал Кабрал, мы будем биться до полной победы, и никакие трудности не смогут нас остановить на этом пути.

Кабрал вспомнил слова одного из прогрессивных португальских писателей: «Если я вижу, что народ поет, несмотря на трудности, то я уверен, что он добьется своего счастья».

— Так вот и у нас народ испытывает сейчас большие трудности, мы ведем вооруженную борьбу, приносим большие жертвы, но тем не менее мы уверены в себе. Будущее принадлежит нам,— закончил А. Кабрал.

Вл. ДОЛУДЬ

Перед атакой.

ВЗАИМОПОНИМА

Радушный прием и сердечное гостеприимство — так можно охарактеризовать атмосферу, в которой проходил официальный визит Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина в Пакистан. Глава Советского правительства был приглашен Президентом Исламской Республики Пакистан фельдмаршалом Мохаммедом Айюб Ханом.

Президент Пакистана и Председатель Совета Министров СССР имели беседы по широкому кругу вопросов, касающихся советско-пакистанских отношений, а также по ряду важных международных проблем. Беседы проходили в атмосфере дружественного взаимопонимания и доверия. Было подтверждено стремление обеих стран продолжать курс на дальнейшее укрепление дружественных, добрососедских отношений, развивать сотрудничество во всех областях. Стороны выразили глубокую озабо-

СЕМЬЯ ПЕРВОМАЙЦЕВ

●

«Дни и ночи РОСТА. Наступают всяческие Деникины. Пишу и рисую. Сделал тысячи три плакатов и тысяч шесть подписей». Так рассказывает В. Маяковский в автобиографии «Я сам» о своей работе в 1920 году.

Более ста стихотворений из «Окон РОСТА» и Главполитпросвета включено во второй том Собрания сочинений В. Маяковского, выходящего приложением к «Огоньку». На цветных вкладках — картина А. Дейнеки «В. Маяковский в мастерской РОСТА», «окна» сатиры работы самого Маяковского.

Том только что вышел из печати. В него вошли, кроме «Окон РОСТА», поэма «150 000 000», несколько пьес в стихах, статьи, выступления и стихи 1919—1921 годов.

ВЕЛИЧИЕ ИДЕЙ ЛЕНИНИЗМА

22 апреля в Москве, в Кремлевском Дворце съездов, состоялось торжественное заседание, посвященное 98-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

В президиуме — тепло встреченные собравшимися товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, К. Ф. Катушев, Ф. Д. Кулаков, М. С. Соломенцев.

Места в президиуме занимают также ветераны ленинской партии С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, Ф. Н. Петров, Л. А. Фотиева, А. В. Артюхина и другие.

Присутствуют иностранные дипломаты.

С докладом выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Московского горкома партии В. В. Гришин.

Фото А. Гостева.

НИЕ И ДОВЕРИЕ

ченность по поводу продолжающейся войны во Вьетнаме, осудили акты агрессии Израиля против арабских государств. Касаясь положения на Индостанском полуострове, А. Н. Косыгин выразил надежду, что Пакистан и Индия будут решать спорные вопросы в духе Ташкентской декларации.

На пути из Пакистана в СССР А. Н. Косыгин по приглашению Премьер-Министра Индии Индиры Ганди сделал кратковременную остановку в Дели.

А. Н. Косыгин имел с Индирой Ганди беседу, которая проходила в дружественной обстановке.

На снимке: Переговоры между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Президентом Пакистана Мохаммедом Айюб Ханом.

Радиофото специального корреспондента ТАСС В. Егорова.

Даже неистовое в своей щедрости цветение сакуры не может сравниться с огненным разливом знамен, когда шестьсот тысяч участников первомайского митинга собираются на поляне бывшей олимпийской деревни.

Право отмечать Первомай как великий пролетарский праздник, хотя по календарю он официально значится в Японии рабочим днем, приходится отстаивать в тяжелой борьбе. Первомайские полотнища здесь, как и во многих странах капитала, окрашены кровью. Ровно шестнадцать лет назад рабочая кровь окропила площадь перед императорским дворцом. С того самого дня, с 1 мая 1952 года, тянется судебный процесс над жертвами полицейской расправы.

Вот и в день майского праздника в этом году среди безбрежной 600-тысячной толпы тут и там будут видны лозунги: «Добьемся полного оправдания обвиняемых по делу о Первомае».

Возле одного из таких транспарантов будет вести сбор подписей и денежных пожертвований «семья первомайцев» — ремесленник Масао Катакура с женой и детьми.

Для его дочери Митико день 1 мая 1952 года начался счастливо: девушке исполнилось двадцать, и по случаю совершеннолетия мать купила ей новые туфли, а отец впервые согласился взять ее на демонстрацию. От солнца и песен у Митико было так радостно на душе, что она почти не прислушивалась к взволнованным разговорам отца, брата и их друзей.

А настроение в колоннах было между тем не стольно праздничным, сколько грозовым. Тремя днями раньше, 28 апреля 1952 года, вступил в действие сан-францисский мирный договор, который узаконил отторжение Окинавы в пользу военщины США и утвердил пребывание на японской земле американских войск — уже не как оккупантов, а как «союзников» по пакту безопасности.

В душах участников Первомая кипела оскорбленная национальная гордость. Пятьдесят тысяч человек с лозунгами «Янки, убирайтесь домой! Верните Народную площадь!» двинулись к центру столицы, к штабу Макартура, расположенному напротив императорского дворца. (После падения милитаристской тирании местом маевок в Токио стихийно стала площадь перед дворцом, которую назвали Народной. Однако после начала войны в Корее демонстрации на ней были запрещены.)

Отряды полиции умышленно не стали преграждать путь демонстрантам, а когда люди вступили на площадь, забросали безоружных людей гранатами со слезоточивыми газами и открыли по ним огонь из пистолетов. Пулей в спину был убит рабочий Масао Такахаси. Студенту Хироси Кондо нанесли полицейской дубинкой смертельный удар по голове.

Опомнившиеся от неожиданности люди дали отпор. В ход пошли древки знамен, камни. Разгневанная толпа перевернула и сожгла тринадцать автомашин, стоявших перед штабом Макартура, сбросила в дворцовый ров несколько американских солдат и японских полицейских.

Демонстрацию, подвергшуюся полицейской расправе, объявили «бунтом». 1 230 ее участников были арестованы, двести шестьдесят один из них отдан под суд.

В семье Катакура первой взяли под стражу дочь. Отряд полицейских вломился в их дом на рассвете 12 мая и увел Митико. 17 мая был арестован отец и 25-го — старший сын. Когда десять месяцев спустя они вернулись из предварительного заключения, их семейная мастерская по хромированию велосипедных деталей была накануне банкротства. Не только потому, что мать с младшим сыном не смогли справиться с делом и просрочили многие заказы, но и потому, что полиция запретила соответствующим фирмам давать подряды первомайцам.

Не счесть невзгод, выпавших на долю семьи Катакура за шестнадцать минувших лет. В сентябре 1957 года при железнодорожной катастрофе погиб старший сын, Масаси, так и оставшийся до конца своей жизни подсудимым.

Но щедро изведала семья первомайцев и другое — тепло человеческой солидарности и братства. Не обходится ни одного рабочего митинга или профсоюзного съезда без сбора пожертвований в пользу 261 обвиняемого. Лучшие адвокаты страны добровольно взяли на себя их защиту. Последнее из 1 792 судебных заседаний состоялось в марте 1966 года. Слушание дела закончено. Почему же тогда судьи вот уже два года медлят с опубликованием своего решения?

— Представьте, что значило бы оправдать демонстрантов и осудить действия полиции на фоне недавних бурных столкновений в Сасебо, во время захода авианосца «Энтерпрайз»! — говорит руководитель группы обвиняемых Окамото.

Но никаким приговорам не подвластно цветение знамен, обагряющее японскую землю в первый день мая. Оно неотвратимо, как весна. Порукой тому — верность рабочему делу членов семьи Катакура, 600 тысяч участников митинга на поляне бывшей олимпийской деревни, 6 миллионов демонстрантов, ежегодно проходящих в первомайских колоннах по улицам японских городов.

В. ОВЧИННИКОВ

Слева за столом — Масао Катакура, рядом его жена Тиё, справа их дочь Митико (с ребенком). Стоят — младший сын, муж Митико, Ватанабе, — тоже один из обвиняемых по делу о Первомае.

ОГНЕННЫЕ ВЕСНЫ

Май снова приходит на вьетнамскую землю в пламени битв против заокеанских интервентов, в громе воздушных сражений за чистое небо над страной, в труде и подвигах патриотов. На снимке — лишь один миг будней Демократической Республики Вьетнам. Расчет зенитного орудия под огнем отражает налет американских самолетов. Может быть, сейчас, когда вы рассматриваете этот снимок, номера расчета этой зенитной установки снова заняли свои места, чтобы остановить полет хищника.

Не первый год главари американской агрессии пытаются сломить волю героического народа. Но сопротивление захватчикам крепнет.

Вьетнамцы не одиноки в своей борьбе. В день Первого мая, праздника международной солидарности трудящихся всех стран, особенно мощно звучит голос честных людей планеты, требующих прекратить американскую агрессию. Трудящиеся социалистических стран, пролетариат в странах капитала, все борцы за мир, демократию и социализм в одном ряду выступают за то, чтобы агрессор убрал прочь свои руки от Вьетнама. По призыву чрезвычайной сессии Генерального совета Всемирной федерации профсоюзов Первое мая 1968 года проводится как день солидарности с народом Вьетнама.

Советский Союз продемонстрировал свои чувства дружбы и пролетарской солидарности в самые трудные дни для вьетнамского народа. Помощь Советского Союза вьетнамским героям не ослабевает. Один из первомайских призывов ЦК КПСС гласит: «Братский привет мужественному вьетнамскому народу, ведущему героическую борьбу против агрессии американского империализма, за свободу и независимость своей Родины!» Это голос советского народа.

Фото О. Арцеулова и Р. Петросова.

Анатолий СОФРОНОВ

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Выступая на Втором съезде писателей СССР, Александр Петрович Довженко говорил о том, что скоро наши люди выйдут в космос и достигнут далеких планет.

Индивидуумы, не связанные с научной фантастикой, не очень серьезно приняли речь писателя и кинорежиссера. Помнится, один мой коллега по перу, весьма земной человек, если и думающий о сферах, так только о тех, что в пределах его досягаемости, воскликнул: «Ну, конечно, Довженко всегда куда-то заносит! Его послушать, так у нас сплошной ренессанс в науке и технике. Лучше бы он тщательней присматривался к тому, что происходит на земле».

Нигилизм, уже тогда пробивавший надпочвенный слой земли, только начинал свое шумное шествие.

Собеседник мой был не то чтобы законченный нигилист. В те дни он только пробовал себя на данном направлении, проверял, можно ли жить и утвердиться на этой зыбкой почве.

Известно, куда «занесло» нашу космическую науку. Об этом свидетельствуют вымпелы СССР, доставленные **нашими** летающими конструкциями на Луну и Венеру.

Александр Довженко видел не только вдаль, но и очень высоко. Вместе с тем он отлично видел и дела земные. Его точный художнический взгляд бескомпромиссно различал все, что происходит на земле. Именно это и запечатлевало его никогда не лгавшее перо. В те дни, когда ему было трудно (а ему бывало трудно), он словно бы замыкался, молчал, впитывая в себя то, что происходило вокруг него. И не жаловался. У него было удивительное понимание «модных» явлений. Можно только представить, сколько осталось ненаписанным и не воспроизведенным на экране из-за того, что смерть оборвала его жизнь. Но и то, что осталось, является очень ценным наследством не только в кинематографии, но и в литературе. Довженко отлично разбирался в земных делах и мог, да и не только теоретически мог, но и делал это, отобрать главное от третьестепенного. Он с презрением отбрасывал мелкие пакости, которые жизнь услужливо совала ему в руки: людей много, среди них немало мечущихся мещан, готовых за чечевичную похлебку, без всякого сожаления, отдать и то, к чему они, собственно, и не были причастны,— героическое прошлое нашего народа, не только в прошедших столетиях, но и недавнее прошлое, ратный подвиг советских народов в последнюю, очень тяжелую для нас войну.

Удивительное сочетание конкретного и эпического видения мира всегда было свойственно творчеству Александра Довженко. От «Земли», «Щорса», «Аэрограда» и до последних его работ — именно это обобщенное видение и изображение действительности вывело Довженко в неповторимого, своеобразного мастера.

Довженко нельзя подражать, ему можно только следовать.

Самого мастера уже нет, а картины мастера продолжают появляться, удивляя зрителей монументальностью, высоким драматизмом и очищенной от бытовизма поэзией.

Жена и друг Александра Довженко Юлия Ипполитовна Солнцева удержала в своих руках знамя Довженко. Это **она** выпустила в свет фильмы по довженковским произведениям. И эти фильмы стоят в **одном** ряду с тем, что было сделано Александром Довженко при жизни.

И вот новая встреча с Довженко и Юлией Солнцевой. Недавно закончен фильм «Незабываемое», сценарий которого написан по мотивам военных рассказов Довженко. Сюжетную основу фильма составляет история семьи председателя украинского колхоза Петра Чабана. Фильм начинается семейным праздником в семье Чабанов. Широкий стол. Яркое украинское лето. Татьяна, жена Петра Чабана, поднимает чарку и говорит:

— Ой, спасибо вам, дети мои, что увидеть вас всех довелось хоть раз за столько лет... Широким мир стал. Пошли ж вам, боже, счастливую долю да силу в руки, чтоб выполнить свой долг перед миром, чтоб возвеличить землю нашу трудами, чтоб цвела и росла вона...

И в это мгновение страшной силы взрыв потрясает село.

Началась Великая Отечественная война. И уже не на мирном поле, а на полях войны придется исполнять детям Татьяны и Петра Чабанов свой долг, имея силу в руках и веру в своем сердце. Горькие дни отступления придется испытать им, но не согнутся они, не падут ниц перед вражиной. Как потерянная стоит возле колодца Олеся, затуманенными от горя глазами смотрит, как идут и идут мимо нее, отступая, бойцы нашей армии. Зачерпывает Олеся ковшом студеной колодезной воды, угощает задымленных черным дымом войны солдат. Подходит к колодцу Василь, молодой боец, говорит ему Олеся:

— Слушай, я тебя о чем попрошу... Останься со мной... Скоро ночь... Если можно, слышишь? Я дивчина. Придут немцы завтра или послезавтра... Замучат меня... Пусть будешь ты... Останься!

— Я не могу взять тебя... Я в танке горел под бомбами вчера,— говорит Василь.— Я не герой...

— Ты наш...

— Я отступаю, бегу... Пойми мой стыд!

И все же остается Василь в прибранной украинской хате. Разбрасывает Олеся по полу цветы... И сидят они за столом в чистой хате, сами чистые и простые...

А где-то, приближаясь, слышна грозная песня войны.

И, уже прощаясь на рассвете, говорит Василь:

— Я не забуду тебя, Олеся, дорогая моя... жена. Я никогда не забуду ни тебя, ни твоей хаты, ни криницы под вербами. Я покидаю тебя на нашей земле. Ну, что моя жизнь без тебя?

— Василю? — шепчет Олеся.

— Что ты будешь думать обо мне?

— Я спасаю свой род. Я буду ждать и надеяться. Не опоздай, Василь!

Василь горячо отвечает:

— Я вернусь к тебе. Я вернусь к тебе с армией, закаленный и верный. Я пробьюсь к тебе через все пожары, и доты, и мины, через все на свете! Какая бы ни была — я вернусь к тебе! Пусть будешь ты черная и больная, покалеченная врагом. Пусть поседеешь ты от горя и слез, и побелеет твоя коса, пусть будешь ты рыть против меня немецкие рвы, сажать для врага хлеб под плетьми, ты всегда для меня останешься прекрасной, как и сейчас прекрасна ты!

...И они расстаются. Расстаются, чтобы встретиться уже на том счастливом этапе войны, когда наша армия перешла в наступление.

Расстаются, чтобы снова встретиться на пепелище Олесиной хаты, встретиться и снова расстаться, ибо Василь со всей армией шел в наступление.

Я привел столь большой диалог из первой встречи Василя и Олеси, чтобы читатель **почувствовал** неповторимый аромат довженковской речи. Очень трудно **пересказывать** Довженко, его надо слушать и слышать. Его произведения все **на мысли, на думе,** на каком-то особом, удивительном словосочетании.

Большое место в фильме занимает Петро Чабан. Бывший председатель колхоза, он оказался со своими односельчанами на родной земле, занятой немцами. У оккупантов свои заботы: им нужен хлеб, мясо, масло; нужны рабочие руки. Но для этого нужны еще и те, кто служил бы немцам. Найти таких оказывается не просто. Никто из села не желает быть старостой. Стоят по пояс в холодной воде селяне под дулами автоматов. Стреляют немецкие солдаты в воздух. Уговаривает офицер Людвиг Крауз — избирайте старосту. Пока уговаривает... И тогда селяне просят Петра Чабана: соглашайся, соглашайся, Петро, иначе погибнем все.

И Петро соглашается... Соглашается, но делает свое дело. В момент, когда должны угнать в Германию двести человек молодежи, он посылает нарочного с письмом к партизанам, чтобы они перехватили молодежь и уничтожили немецкую охрану. Все происходит так, как задумал Петро Чабан. Партизаны уничтожили двести сорок немецких солдат и офицеров. Но Петро Чабан арестован. Его должны казнить. Он гордо говорит Краузу, спрашивающему об уничтоженных врагах:

— Да. Это тоже моя работа.

Последняя ночь в лагере. У проволоки Петро Чабан. К нему пробирается с куском хлеба односельчанка Левчиха. Возле самой проволоки она падает, срезанная автоматной очередью предателя, полицая Заброды, давнего врага Петра Чабана.

Возле проволоки оказывается и Заброда. Он доволен. Он с нетерпением ждет завтрашней казни Чабана.

— Хорошо поет недоля — по себе знаю. Я вот тоже пел по ночам в Сибири. Ох, как еще пел! И откуда только голос брался? Бывало, все люди плачут. Сегодня не мешало бы и тебе затянуть что-нибудь, слышишь? — говорит Заброда Чабану.

— Подай хлеб! — глухо приказывает Чабан.

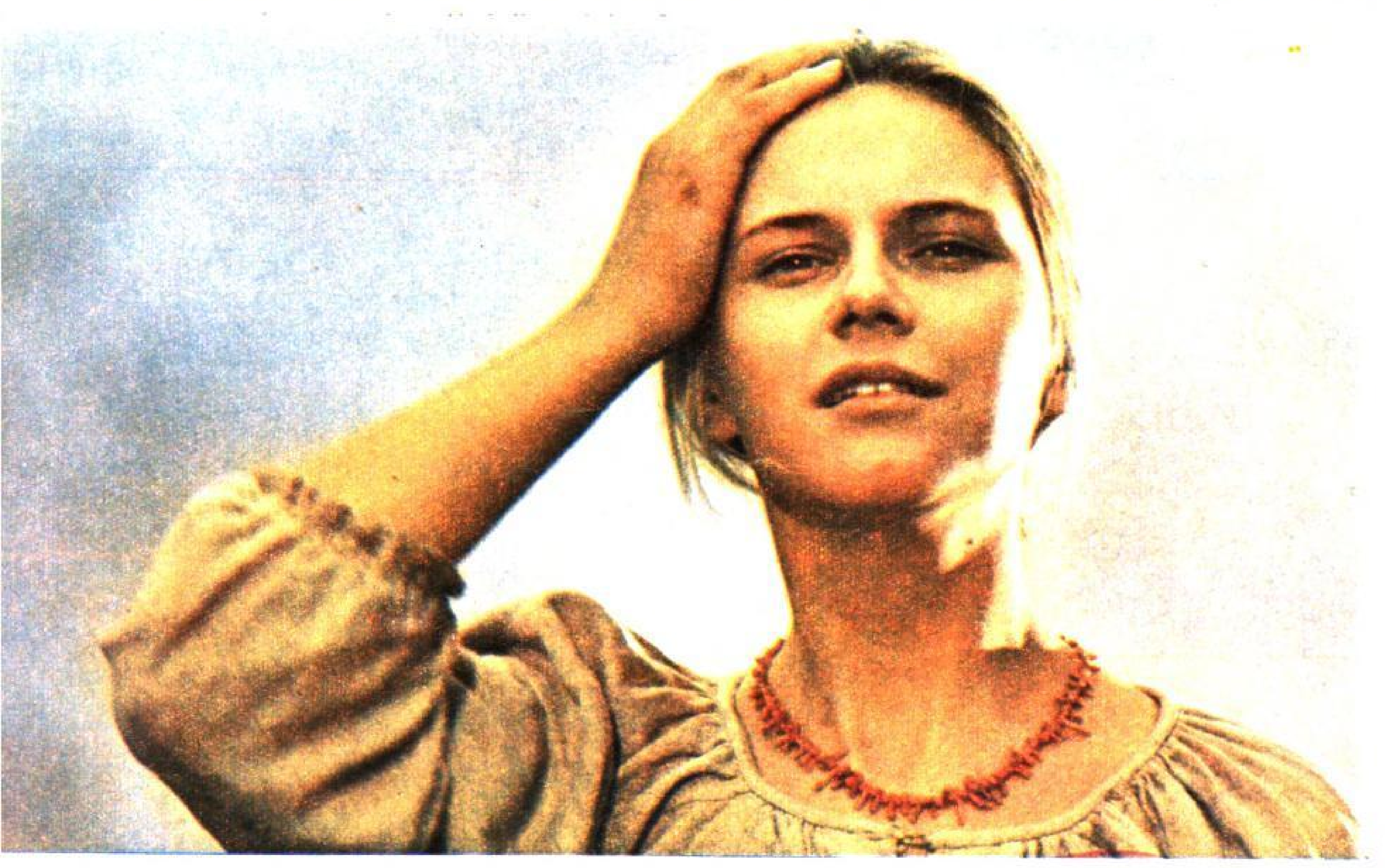

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА «НЕЗАБЫВАЕМОЕ»

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА «НЕЗАБЫВАЕМОЕ»

— Покушать захотелось? Давно пора что-нибудь там перед смертью...

— Ты убил?

Заброда хватает Чабана за грудь.

— Пусти меня!

— Не хрипи!

— Пусти!

— Тихо!

— Пусти... меня... гитлеровский пес! Пусти, псина немецкая! — И оттолкнул Чабан Заброду.

— Запро-сил-ся, гад! Вот вытянут завтра из тебя все жилы, нарежут красных звезд из твоей проклятой шкуры.

— Режьте, черт вашу душу дери!

— Сам буду резать! Слышишь! На колени упаду перед офицером — выпрошу. Сам... Сам...

— Слушай, враг, ты же человек — подумай!

— Эти слова я тебе говорил, когда ты меня в Сибирь высылал.

— То было наше внутреннее дело, а сейчас Родина гибнет...— говорит Чабан.

— А что мне Родина?

— Все! Слушай, иуда, нечистая сила, неужели тебя породила земля наша!

— А-а-а!

— Ты подай хлеб! Слышишь? Хлеб подай! Я не буду есть его — я его поцелую!

— Не подам! Не подам! Вот,— истошно кричит Заброда и топчет ногами хлеб. Топчет и в злобе не замечает, как оказывается возле проволоки.

Нечеловеческим усилием Чабан хватает за горло Заброду, рвет проволоку... И душит проволокой иуду.

И вот уже автомат в его руках... И он срезает немецкого офицера... И поднимает заключенных... И они рвут проволоку... Падают под выстрелами, но многие вырываются на свободу, к партизанам. И это снова и снова Довженко. Даже голос Петра Чабана, которого сильно играет Евгений Бондаренко, чем-то очень похожим напоминает чуть хрипловатый голос самого Довженко. Нет возможности ни пересказывать, ни воспроизводить отдельные сцены и эпизоды фильма, ибо весь фильм такой от первых до последних кадров.

Потрясающа по трагической силе история подвига Татьяны Чабан, укрывшей двух тяжело раненных русских летчиков. Все она делала, чтобы выходить их, но обнаружили немецкие солдаты летчиков и вытащили из хаты. Татьяна пытается спасти их, кричит, что они сыновья ее. Она бросается к летчикам, чтобы умереть вместе с ними, но ее отталкивают. «Прощай, матушка! Спасибо!» — говорит один перед смертью. «С такой матерью и умереть не страшно!» — шепчет другой.

Летчиков расстреливают, Татьяну Чабан вешают на дереве возле ее родного дома.

Глубоко, по-своему играет Зинаида Дехтярева роль Татьяны Чабан. «Дети мои»,— произносит она последние слова, надевая сама петлю на шею, и бросается вниз. Образ матери—один из самых впечатляющих в фильме. Так же хорошо, не распространенно играют молодые актеры: Ирина Короткова — роль Олеси и Юрий Фисенко — роль Василя. Чистота, цельность молодых натур удивительно естественны, являются их характером.

Запоминаются в фильме Светлана Кузьмина в трагической роли Христи, Сергей Плотников в роли Заброды и Янис Мелдерис в роли немецкого офицера Людвига Крауза. Да и весь актерский ансамбль, несмотря на то, что в нем не так-то уж много известных в кинематографии актерских фамилий, удивительно слажен, образы жизненны, в них нет актерского наигрыша, чрезвычайно опасного для фильмов, где все по жизни, все правда.

Фильм снят вдохновенно. Оператор-постановщик Дильшат Фатхуллин со всей группой операторов дает зрителям возможность насладиться изумительными пейзажами Украины — и мирной и военной. Радуют глаз неяркие, словно подернутые трагической дымкой земные картины. Прекрасно сняты эпизоды сражений, в которых не только танковые и артиллерийские бои, но и бережно сохраненная для зрителей психологическая глубина характеров бойцов. А как монументальны последние кадры фильма — колонна Советской Армии, идущей в наступление! Несметна эта колонна в матово поблескивающих под летним солнцем касках. Колонна, словно слитая с землей, с широкой сторожкой степью. Боевой опыт главного военного консультанта фильма генерала армии М. М. Попова, несомненно, привнес в картину суровую правду эпических, действительно незабываемых сражений Великой Отечественной войны. Композитор А. Муравлев создал пластичную, близкую всему настрою фильма музыку.

А теперь о самом главном в этой картине — о режиссерской работе Юлии Солнцевой. Всякий раз, когда мы в последние годы знакомимся с фильмами, созданными Солнцевой на литературном материале, оставленном Александром Довженко, мы невольно удивляемся мужеству, широте диапазона каждого фильма. Иногда, видимо, в порядке поощрения режиссера, мы слышим — это сама Солнцева... Да, конечно, сама Солнцева! Это она, если можно так сказать, создает произведения, меньше всего похожие на инфантильные «дамские» фильмы, которые в немалом количестве выпускают у нас в расчете на носовые платки, режиссеры, носящие мужские фамилии. Все, что сделано Юлией Солнцевой,— это самостоятельно и вряд ли будет повторено другими. Но для того, чтобы так снимать, надо так видеть мир. Надо так чувствовать гармоническое звучание жизни, видеть ее жизнеутверждающее и вместе с тем трагическое начало. Малейшее облегчение темы грозит в этом случае резонерством. Это особенно опасно в тех случаях, когда может быть неправильно понята и истолкована художественная структура довженковского творчества. Юлия Солнцева удивительно цельно и последовательно ведет довженковскую линию в современном советском киноискусстве. И в этом ее самостоятельность — в утверждении и продолжении довженковской школы.

Максим ТАНК

Товарищ военком!
Я — писатель.
Это значит:
Специальность моя — специальность сапера,
Который всю жизнь разминирует пути
К любви,
Дружбе,
Миру.

Я каждый день хожу по планете,
Оставляя надписи
На домах,
Деревьях,
Дорогах
И даже на облаках:
«Тут можно устраивать встречи...»,
«Тут можно праздновать свадьбы,
Рождение человека...»,
«Тут можно сеять,
Строиться,
Мечтать...»

Меня, даже когда подорвусь,
Не сбрасывайте со счета.
Песня моя будет и дальше
Прокладывать дороги
К любви,
Дружбе,
Миру.

Перевел с белорусского
А. КОРЧАГИН.

А когда это есть, уже ничего не страшно: можно создавать незабываемые фильмы, даже в особо трудных случаях, когда фильм вылеплен не из цельного сценария, а из нескольких рассказов, как это и произошло с последней картиной Юлии Солнцевой — «Незабываемое».

...Да, незабываемое! Лучшего названия для этого фильма не придумаешь. Здесь есть все: и подвиг народа, и подвиги отдельных людей, и их насыщенная патриотическим началом духовная жизнь, и ясное отношение художника к истории и современности.

К сожалению, у нас все еще носятся по ветру теорийки о том, что героическое начало портит искусство, что важно показать рефлекторную душу одного человека. Вряд ли кто будет спорить о том, что нужно показывать душу человека. Человек, его чувства, его думы, вся его жизнь, данная единожды, конечно же, составляют основу искусства. Но почему нужно отделять одно от другого, героику от человеческой души? Почему мы должны видеть человека-солдата только в отступлении физическом и нравственном? А кто же тогда дошел до Берлина и до Эльбы? Духи? Схемы? Дошли люди, наши люди. Многие из них лежат под гробовыми плитами. Они заплатили своей жизнью за победу. За ту самую победу, которую сейчас некоторые теоретики на Западе со злоумышленной целью преуменьшения подвига советского народа хотят свести на нет. Но разве можно свести на нет боевое Красное знамя, поднятое над рейхстагом в майские дни 1945 года? Или площади и улицы, названные по многим странам мира именем Сталинграда?

Мне приходилось бывать на военных кладбищах в Берлине, Вене, Белграде, Праге, где похоронены ровесники Василя и Олеси. Приходилось видеть безвестные братские могилы на малопроезжих дорогах Европы. Разве мы можем забыть об этом?

Не пора ли нашему киноискусству, да и не только киноискусству, переходить в решительное наступление?

История Великой Отечественной войны на ее втором, победном, этапе почти еще не тронута.

Человеческой памяти свойственна забывчивость. Что же, одному человеку это простительно, хотя и не всегда.

Но искусству, литературе забывчивость непростительна. У нас есть все возможности для того, чтобы напомнить истину тем, кто пытается эту истину утопить в реке времени. Да и не только напомнить, но и воздать должное героической истории нашего народа, тем, кто написал эту историю своей горячей кровью, своими жизнями.

Мысли эти рождаются все чаще и чаще и, пожалуй, особенно тогда, когда появляются такие фильмы, как последний довженковский фильм Юлии Солнцевой — «Незабываемое». Действительно, все, что прожито и сделано нами,— незабываемо.

В. И. Ленин, Н. К. Крупская и М. И. Ульянова перед отъездом с Ходынского поля после военного парада. Май 1918 года. Москва.

Фото из Архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

1918. ПЕРВОМАЙ

К. ЧЕРЕВКОВ

Ветрено. Хмурится небо. А на улицах весна. Весна 1918 года. Москва празднует первый советский Май. В то утро столица будто перекрасилась в один цвет — красный. Море алых знамен, красные косынки работниц, автомобили, увитые красными лентами. И транспаранты. И флаги, флаги... Еще задолго до праздника в столице произвели строгий учет всех запасов красных тканей и отпускали их только по специальным разрешениям центральных или районных организаций.

На Сенатской площади в Кремле выстраивались рабочие, красноармейцы, служащие кремлевских учреждений. Из подъезда Совнаркома вышел В. И. Ленин.

Владимир Ильич поднялся на Кремлевскую стену, чтобы оттуда взглянуть на первомайское шествие. Ленин шел по широкому проходу, останавливался между зубцами. Внизу на трибуну поднялись те, кого правительство назначило принимать демонстрацию. Скоро с этой трибуны выступит и Владимир Ильич.

Людское море вливалось на Красную площадь. Кружась над ней, летел аэроплан и сбрасывал первомайские листовки.

В первых рядах демонстрантов с красными бантами на лацканах пальто шли ответственные партийные и советские работники.

Выступал В. И. Ленин на Красной площади не раз. Никаких микрофонов или усилителей, конечно, тогда не было. Один из участников праздника, фотокорреспондент Г. Гольдштейн, рассказывает, как Владимир Ильич, кончив говорить, спустился с трибуны и направился в сторону Ильинки. Но неожиданно задержался, поднялся на парапет лобного места и произнес еще одну речь.

— Я сделал два снимка,— вспоминал Г. Гольдштейн.— На одном из них Владимир Ильич изображен с поднятой правой рукой и слегка откинутой головой. Фигура выступающего Ленина была исключительной динамичности, но затвор моего фотоаппарата не обладал достаточной скоростью, чтобы схватить эти стремительные движения.

Но снимок все же получился. И когда Г. Гольдштейн принес его в Кинокомитет, там один товарищ заметил: «Сегодня вам посчастливилось снять самую Революцию».

День был на исходе, когда последние колонны демонстрантов прошли мимо Кремля. А в это время к Ходынскому полю подтягивались воинские части, чтобы принять участие в первомайском параде вооруженных сил молодой Страны Советов. На Ходынское поле Владимир Ильич поехал вместе с Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой. По пути, в Неглинном проезде, их остановили рабочие Сущевско-Марьинского района и попросили В. И. Ленина сказать несколько слов.

...Начало военного парада задерживалось. Вовремя прибыл лишь один латышский полк, а о других ничего не было известно. Руководители волновались, посылали ординарцев узнать о причинах задержки. И как раз в это время на Ходынское поле приехал В. И. Ленин. Один из московских военачальников, Н. Муралов, подбежал к Владимиру Ильичу.

— Ну что, товарищ Муралов, кажется, наши войска не совсем аккуратны?

Ленина всегда возмущала неточность, расхлябанность в любом деле, а особенно в военном. Он поручил Бонч-Бруевичу немедленно и тщательно расследовать причины нарушения дисциплины отдельными подразделениями и лично ему доложить об этом.

...Смотр войск закончился вечером. А на Красной площади торжества не затихали.

Латышские стрелки, охранявшие Кремль, решили устроить свой праздник. Они долго готовились к нему. Нашлись свои артисты, музыканты, художники. Как-то Владимир Ильич предложил солдатам самим выбрать один из кремлевских залов и там устроить театр. Они выбрали Екатерининский. На праздник стрелки пригласили Владимира Ильича и попросили сделать доклад. Ленин согласился.

...Екатерининский зал переполнен. В. И. Ленин поднялся на сцену. Он рассказал, как однажды, находясь в сибирской ссылке, праздновал Первое мая. Их было трое — все разных национальностей: русский, финн и польский товарищ. Все трое ушли Первого мая на опушку леса, зажгли костер и запели «Интернационал», каждый на своем языке. Потом вспоминали Петербург, Варшаву, Гельсингфорс. И снова пели «Интернационал». К ним прибежали ребятишки из деревни. Они весело прыгали вокруг костра и радостно кричали: «Еще раз, еще!»

После выступления Ленин направился к выходу. Но тут кто-то подбежал к нему и от имени артистов попросил остаться.

— Товарищи, я устал немножко,— сказал Владимир Ильич.

Однако, увидев лица артистов, он больше не стал возражать и сел в первом ряду.

На сцене появилась делопроизводитель штаба Красной гвардии Александровского училища, ныне заслуженная артистка Латвийской ССР Паула Балтабола. Несколько часов назад она была участницей военного парада, а сейчас вдохновенно читала стихи Райниса.

— Когда я кончила читать,— вспоминала Паула Балтабола,— меня повели в зал и посадили на свободное место рядом с Лениным. Владимир Ильич сказал, что он не знает латышского языка, но по интонации и глубокой прочувствованности исполнения понял суть поэзии Райниса.

Первое отделение концерта подходило к концу, когда Ленину принесли какое-то, наверное, очень важное сообщение. Владимир Ильич встал и быстрым шагом вышел из зала. У него было много дел и в этот праздничный день.

ВРЕ

Двадцать девять лет назад, в 1939 году, весна в Испании началась под знаком кровавого предательства, открывшего двери героического Мадрида войскам генерала Франко.

Долгие годы страна живет во власти фашистской тирании и произвола, лишенная национальной независимости, отданная в заклад франкистской кликой империалистам США, наследникам Гитлера в Испании, которые превратили ее в ядерную базу, создав постоянную угрозу жизни и безопасности испанцев.

Франко и его приспешникам удалось залить кровью и усеять могилами поля Испании, но они не смогли остановить поступь жизни.

В нашей стране выросло новое поколение, не участвовавшее в войне. Но, как и предшествующее поколение, оно не хочет мириться с фашистским игом. Оно не согласно жить в Испании, изуродованной каудильо, лишенной элементарных свобод, в той Испании, которая стала для Франко разменной монетой в его политических и экономических сделках с американским империализмом.

Весна 1968 года врывается в нашу страну после этой долгой зимы деспотизма, словно буря, готовая смести диктатуру генерала Франко. Молодое поколение хочет изменить Испанию, проданную Франко испанским и иностранным капиталистам. Оно, как дрожжи, будоражит страну. Оно шагает в первых рядах борцов за новую Испанию — суверенную, прогрессивную, демократическую, за испанскую Испанию.

Вся страна пришла в движение, все бурлит и кипит, охваченное ненавистью к диктатуре. В сегодняшней борьбе участвуют различные социальные силы, но все они, хотя и по разным причинам, сходятся в главном: необходимо положить конец франкистской диктатуре и открыть дорогу демократии в Испании.

Первое мая этого года обещает быть знаменательным днем для нашей страны, как праздник единства, как демонстрация воли нашего народа к демократии, воли в первую очередь рабочего класса, а также антифашистских и антиимпериалистических сил.

30 апреля, в канун Международного праздника трудящихся, будет проведен национальный день борьбы демократических сил. Он может стать решающим шагом на пути к объединению всех противников франкизма различных политических направлений и из различных социальных слоев, может повести к политическим изменениям в стране без новой гражданской войны.

МЯ БОРЬБЫ И НАДЕЖД

Долорес ИБАРРУРИ, Председатель Коммунистической партии Испании

Сегодня в Испании нет такого кусочка земли, где бы люди не выражали открыто свою неприязнь и вражду к франкизму. Апрель этого года напоминает такие важные события в истории Испании, как выборы 1931 года, падение монархии, провозглашение республики. Снова борьба рабочего класса во всех промышленных районах отмечена острым политическим накалом. Распад франкистского режима усугубляется экономическим кризисом. Крупная буржуазия и правительство пытаются найти выход из него, замораживая заработную плату рабочих и служащих. В то же время катастрофически быстро повышаются цены на продукты первой необходимости. Но экономические меры правительства наталкиваются на растущее сопротивление трудящихся — рабочих, служащих, технической интеллигенции,— которые не хотят больше затягивать ремни, чтобы богачи продолжали накапливать миллионы. Рабочие и служащие покидают предприятия, устраивают демонстрации протеста.

Против них используют полицию, вооруженную на американский манер. Впервые в Испании полицейские применили против рабочих собак. Над демонстрантами теперь кружат вертолеты, с которых полицейские руководят операциями. Каждый день арестовывают рабочих и студентов, закрывают газеты, штрафуют издателей, пытаясь помешать распространению печатного слова. Но ничто не может спасти франкизм. Он натыкается на человеческую стену, которая не поддается.

Разложение франкизма идет особым путем. Фашистские режимы, существовавшие в Европе перед второй мировой войной, рухнули в грохоте кровавых битв, которые фашизм сам навязал миру. Эти режимы были разгромлены благодаря героизму и отваге советских солдат. Говорить так — не значит умалять или недооценивать участие других армий в борьбе против фашистской агрессии; это значит еще раз сказать правду, которую иногда хотят забыть или замолчать.

В Испании франкизм разваливается изнутри. Главной силой в разрушении испанского фашизма остается рабочий класс, молодой рабочий класс, сознательный и динамичный, который, несмотря на преследования и тюрьмы, ни на момент не прекращает борьбы в разных формах против диктатуры. Сейчас рабочие создают на предприятиях свои собственные профсоюзные, истинно классовые организации, возглавляемые так называемыми «Рабочими комиссиями». Эти организации являются подлинными выразителями интересов трудящихся в Мадриде, в Стране басков, в Валенсии, в Сарагосе, в Астурии, в Галисии, в Каталонии, в Андалусии; они работают независимо от государственных фашистских профсоюзов, разрушая их и не оставляя им поля деятельности среди испанских трудящихся.

Боевой дух нашего рабочего класса — это пример и стимул для всех антифашистских сил, особенно для интеллигенции Испании, которая, за исключением ярых реакционеров, выступает сегодня как одна из наиболее прогрессивных групп.

В борьбе против франкистской диктатуры и ее фашистских методов правления почетное место в первых рядах бойцов за политическую и социальную демократию занимает студенческая молодежь.

Студенты Испании отказываются от фашистской опеки, борются за демократизацию университетского образования, защищают свой демократический профсоюз, не признают очковтирательства пропагандистов американского империализма и заставляют их замолкать, бросая в лицо лозунг: «Да здравствует социалистическая Европа, вон американцев из Испании!» В ответ на выступления студентов правительство, нарушив университетскую хартию, совершило еще невиданное в нашей стране: оно закрыло университеты в Мадриде, Севилье, Валенсии и Сантьяго де Компостела и угрожает сделать то же самое в Саламанке, Барселоне и Сарагосе, где студенческие волнения тревожат франкистскую клику. Переполненная ненавистью ко всему новому и прогрессивному, она отстранила от должности шестьдесят девять профессоров, пожизненно запретив им преподавать в университетах.

Не только рабочие, студенты и интеллигенция выступают против франкистской клики. Крестьяне отказываются признавать установленные властями налоги, нормы и цены, которые задерживают развитие сельского хозяйства. Сельскохозяйственные рабочие развертывают борьбу за то, чтобы земля принадлежала тем, кто ее обрабатывает, требуют установить зарплату и права, которыми пользуются рабочие на предприятиях.

Усиливается, становится активным, как никогда, движение национальных меньшинств в Каталонии, Стране басков и в Галисии, что тоже не дает спокойно спать каудильо.

В этом столкновении старого и нового, общественно-политических сил и диктатуры, которое может завершиться лишь уничтожением последней и вступлением Испании на путь демократии, два столпа испанского буржуазного общества — католическая церковь и армия — не могут сегодня оставаться по-прежнему опорой франкизма.

Церковь, в особенности низшее духовенство, которое наиболее близко стоит к народу, к массам, открыто выступает против диктатуры, борется вместе с рабочим классом, активно и решительно участвует в национальной и всенародной борьбе против франкизма.

Что касается испанской армии, то и она в наше время уже не та антиреспубликанская и антинародная армия, которая существовала во времена франкистского мятежа. Старые генералы, несущие ответственность за гражданскую войну, сходят со сцены. И хотя еще неизвестно, как проявит себя армия по отношению к демократическому движению в Испании, несомненно одно: в ней также отражаются, в той или иной форме, те изменения, которые происходят в стране.

Недавно один известный военный, генерал-лейтенант Диес Алегрия, публично заявил в одной из столичных газет, «Мадрид», что «армия — это национальная сила и не может служить одной группе или одной партии, и она должна выполнять не функцию подавления, а функцию защиты государства от внешних врагов...».

В начале марта этого года один из политических деятелей, представитель правой оппозиции Кальво Серер, заявил в той же самой газете: «Демократизация в Испании неизбежна».

Действительно, демократизация неизбежна. Почему? Потому что ни оружие, ни тюрьмы, ни желания диктатора и его клики уже не могут сохранить диктатуру. Режим, который не находит поддержки у народа — а у диктатуры этой поддержки нет,— обречен.

Но где же тот гордиев узел, который нужно разрубить, чтобы открыть путь к революционно-демократическому развитию страны? Он заключен в разобщенности антифранкистских сил. Только благодаря этому диктатура продолжает существовать.

Могут ли прийти к соглашению все те общественные течения, которые выступают по разным причинам против франкистской диктатуры и за демократизацию страны? Несомненно, могут, и к этому стремится коммунистическая партия, которая сейчас представляет собой самую организованную и боевую политическую силу, наиболее важную в левом движении в Испании.

На чем может быть основано это единство? Правые монархисты, по собственному утверждению, представляющие не более трех-четырех процентов испанского населения, считают, что выход заключен в реставрации монархии. Другие группы вносят иные предложения для разрешения политического кризиса, с которым сталкивается страна.

Силы прогресса и демократии, среди которых находится коммунистическая партия и которые составляют большинство народа, считают, что самым возможным и наиболее логичным путем является создание переходного правительства, которое объявит о всеобщей амнистии, восстановит политические свободы и проведет выборы, в результате которых сам народ определит, каким должен быть режим правления.

Между различными группами в Испании существуют немалые разногласия. Это мешает объединению, но есть взаимное стремление смягчить эти разногласия, ибо все понимают, что франкистской диктатуре должен быть положен конец.

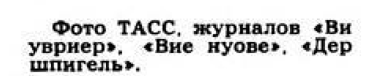
Такова политическая и социальная картина в эту весну борьбы и надежд, когда все общественные и политические силы, как правые, так и левые, пришли в движение, убежденные, что страна, находившаяся двадцать девять лет во мраке франкистской ночи, должна увидеть солнце свободы.

БОЕВЫЕ ШЕРЕНГИ ПЛАНЕТЫ

Первый день мая рабочие люди всех стран празднуют как день солидарности в борьбе за свободный труд, за справедливость и счастье. Идеи Первомая, идеи дружбы и международной солидарности все шире пролагают себе дорогу, заливая планету половодьем весны и надежды. Под знаком великих побед празднуют Первомай трудящиеся социалистического содружества. В странах капитала рабочие ведут самоотверженную борьбу за социальную справедливость. Весь мир демонстрирует в день международной солидарности людей труда единство с героическим вьетнамским народом, арабскими народами, патриотами Греции, гневно осуждает расизм, бушующий в цитадели современного капитализма — Соединенных Штатах и на юге Африки, заявляет решительное «нет!» возрождению неонацизма в Западной Германии. Могучей шеренгой шагают народы мира в день Первомая, прославляя свободу, мир, прогресс, равенство и братство.

Владивосток. Митинг по случаю отплытия во Вьетнам корабля солидарности. Советский теплоход «Раздольное» направился в Хайфон с даром советского народа — продовольствием, промышленными товарами и десятью тысячами первомайских подарков.

Фото ТАСС, журналов «Ви уврнер», «Вие нуове», «Дер шпигель».

Если бы я писал ро

Джеймс ОЛДРИДЖ

Грубая и глупая ложь, которую распространяли о Марксе при его жизни, пережила его, как вирус опасной болезни, и помню, как я был удивлен, когда в пятнадцать лет прочел серьезный рассказ о жизни Маркса, где он предстал передо мной как заботливый отец, замечательный любящий муж, мыслитель, чей ум был выше умов всех его современников, и прежде всего — как человек с красивым, сильным и веселым лицом.

С тех пор я сделался горячим поклонником Маркса как человека, и чем больше я читал о нем, тем глубже становилось это поклонение. Я даже стал чувствовать, что о Марксе может быть написан великолепный роман, ибо в нем есть так много того, что ищет писатель для своего главного героя.

Маркс вовсе не был прост, но в его сложности жила такая целеустремленность, которая отметила его жизнь великими и драматическими событиями, и личными и исторического значения. Это сделало его личностью огромных масштабов, такой, которую ищет писатель. Но главное — это то, что писателю на фоне повседневной жизни Маркса нужно суметь показать, как создавались величественные произведения человеческого духа, которые он строил медленно и упорно, как огромные пирамиды.

Перед тем, как он навсегда покинул Германию и переехал в Англию (к тому времени он подверг критике почти всех современных философов), Маркс сообщал Энгельсу о трудностях своей повседневной жизни. Он писал, что не знает, каким образом ему удается прожить. Налоги, расходы на обучение детей, плата за квартиру, деньги бакалейщику, мяснику... Все требуют денег, и никто не хочет ждать.

Писателю нужно решить, какие великие мысли рождались в голове Маркса, когда к нему явился мясник, чтобы требовать денег, или в тот день, когда пришел счет за обучение детей в школе. Как сосуществовали друг с другом великий творческий акт и обычные, доводящие до отчаяния заботы человека, любящего свою семью и спасающего жену и детей от невзгод бедности и житейских испытаний.

Всю свою жизнь Маркс жил в нужде. Если бы не Энгельс, он бы постоянно голодал. Более тридцати лет его жизни в Англии были одной непрерывной битвой с трудностями. Несомненно, что когда он жил в отчаянной нужде на Динстрит, в Сохо, именно эти тяжелые условия были причиной смерти его трех детей. У Маркса не было денег и были долги, и эти тяжелые условия жизни навсегда подорвали здоровье самого Маркса и его жены. Но неустанно и непоколебимо он занимался тем, что считал делом своей жизни.

Он напоминает мне здесь нашего великого писателя Генри Филдинга, который писал самые смешные и трогательные сцены своего романа о Томе Джонсе, найденыше, когда его жена, которую он горячо любил, умирала в соседней комнате, а сам он тяжело страдал физически и духовно. Характер Маркса в эти тяжелейшие годы жизни в Англии предстает как кран на строительной площадке, который создает из хаоса порядок.

Большинство энциклопедий и биографических описаний жизни Маркса на Западе все еще утверждает, что Маркс «ссорился» со всеми, кроме своей семьи и Энгельса. Но они не говорят, что это были за «ссоры». Его исследователи и биографы у нас на Западе, которые так усиленно заботятся о том, чтобы человек видел «обе стороны вопроса», хотели бы видеть Маркса не столь решительным, хотели бы, чтобы он признавал правоту другого, хотя тот на самом деле и не прав. Маркс в своих спорах никогда не исходил из личных позиций, он стремился показать неправоту своего оппонента с философской точки зрения. Он просто отказывался признать ложную посылку, допустить неверный аргумент, смириться с отсутствием логики или оставить без ответа интеллектуальный обман.

Почти каждый день я работаю в Британском музее и всегда ощущаю в купольном читальном зале присутствие двух бессмертных людей — Маркса и Ленина.

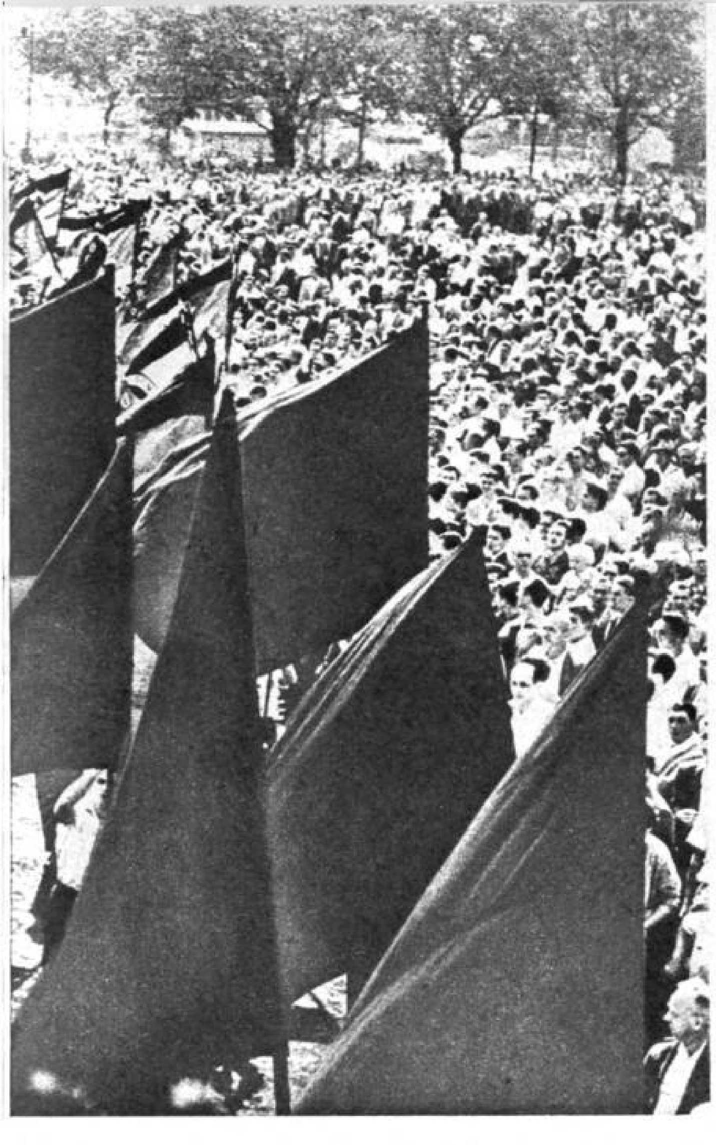
На днях я заглядывал в раннее издание «Богатства народов» Адама Смита, вышедшее в 1776 году. Почти наверняка Маркс держал эту книгу в руках, когда он работал в Британском музее. Не создает ли это какое-то звено между мной, человеком сегодняшних дней, и Марксом, Марксом-читателем, Марксом — вечным исследователем, который склонялся над старым. столом в читальном зале, проклинал тупое перо, встряхивал нетерпеливо чернильницу или совершал долгую прогулку по залу, приводя в порядок свои мысли? Когда он жил в Хэмпстеде, он вытоптал дорожку по диагонали ковра, расхаживая взад и вперед, поглощенный мыслями, заставляя мозг все глубже и глубже погружаться в поиски истины.

Маркс часто болел. Напряженная жизнь, тяжелые условия существования с дней юности, нерегулярное питание, трагическая потеря детей, заботы о здоровье жены и долгие часы работы за столом зимой и летом, осенью и весной — все это привело к болезни печени, к нарушению обмена веществ и пищеварения. Большую часть «Капитала» он написал, испытывая, очевидно, хронические боли и недомогание.

Но, однако, он не чувствовал себя несчастным или подавленным. В своей квартире на Хэмпстед-Хит он любил играть с детьми, он возился с собаками, иногда, шутя, поддразнивал свою жену и неистово спорил со своими зятьями Лафаргом и Лонге о политике. Четыре женщины в семье Маркса — жена и три дочери — трогательно заботились о нем.

Когда в 1867 году «Капитал» впервые вышел в свет (на немецком языке), его не заметили. Прошло некоторое время, и немецкие «ученые» раскритиковали его. Маркс позже писал о том, что «косноязычные болтуны германской вульгарной экономии бранят стиль и способ изложения «Капитала». В Англии только «Сэтердей ревью» опубликовала положительную рецензию на книгу Маркса. Но, несмотря на то, что «Капитал» на некоторое время затерялся в массе других, менее значительных работ, вскоре он вышел на поверхность, подобно мощному дереву, взламывающему цементный пол.

Теперь, думая о Марксе, мы ча-

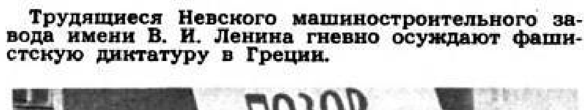
Шахтеры и металлурги Рура отстаивают свое право на труд.

Убийство Мартина Лютера Кинга, разгул расизма вызывают гневный протест прогрессивной Америки.

Студенты Рима продолжают славные традиции рабочего класса Италии. Они проводят массовые демонстрации, требуя улучшения условий учебы.

Трудящиеся Невского машиностроительного завода имени В. И. Ленина гневно осуждают фашистскую диктатуру в Греции.

→ Молодежь Швеции, как и вся молодежь нашей планеты, решительно требует прекратить позорную агрессию США против вьетнамского народа.

ман о Карле Марксе

сто спрашиваем себя: «Что сказал бы он о мире наших дней и, в частности, что сказал бы он о современном мире капитала?» Мы совершенно точно можем предсказать его мнение о Вьетнаме, Родезии и многих других странах, где люди борются за свои права, но что бы сказал Маркс о развитии капиталистической системы? Много «экспертов» капиталистического, и не только капиталистического, мира считают, что Маркс устарел, потому что капитализму удалось осуществить такие мероприятия, которые Маркс не мог предсказать или предвидеть,— это в особенности относится к использованию достижений науки и техники и рационализации производства. Но сами капиталисты основали целые институты, где нанятые ими ученые изучают Маркса, пытаясь на основе его критики капитализма найти «рецепты», чтобы оттянуть тот неизбежный день, когда капиталистическая система рухнет под напором раздирающих ее противоречий.

Каждый, кто живет в западном мире сегодня, не может не отдавать себе отчета в том, что предвидение Маркса оправдывается. В наше время жизнь капиталистического общества определяют два основных фактора: непрерывный процесс концентрации в экономике и продолжающийся мировой финансовый кризис. Не проходит почти ни одного дня, чтобы в Англии какая-нибудь крупная компания не поглотила другую. Наше время — это эра поглощений, и поглощений не только в национальных рамках, но даже в масштабах всей Западной Европы и больше. Мощные международные монополии Форда, «Филиппс» или «Дженерал электрик» раскидывают свои сети над всеми континентами.

Валютный кризис фактически представляет собой отражение того же процесса концентрации мировых финансов в руках все более и более узкого круга финансовых магнатов. На днях в одной из вечерних передач по английскому телевидению на экране появился швейцарский банкир, который в своем выступлении заявил о том, что он и другие банкиры Цюриха весьма сожалеют, что они вынуждены указывать английскому народу, сколько зарабатывать, сколько тратить и как работать, чтобы преодолеть финансовый кризис.

Тому, кто осознает определяющее действие этих факторов на жизнь западного общества, будет интересно прочитать такие строки из «Капитала»: «Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, развивается кооперативная форма процесса труда в постоянно растущих размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономия всех средств производства путем применения их как средств производства комбинированного общественного труда, втягивание всех народов в сеть мирового рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима».

К этому удивительному по прозорливости предсказанию сегодняшнего дня нашего общества Маркс добавляет еще одно. Он пишет, что «гнев рабочего класса» непрерывно усиливается. И если бы он жил сейчас в Англии, где напряжение нашей жизни определяется ухудшением условий труда и сокращением заработной платы и где борьба профсоюзов против снижения жизненного уровня принимает очень острые формы, он убедился бы в очевидной правоте своих слов.

Конечно, из всей этой драмы идей писатель должен был бы извлечь главное. Он должен суметь показать развитие мысли этого гения, каждый раз поднимающейся на новую ступень, чтобы дать миру теорию, благодаря которой человек познает себя. Но последней драмой жизни Маркса в книге о нем должна быть печальная трагедия, разыгравшаяся в Лондоне в доме на Мэйтленд-парк роуд. Пожалуй, достаточно лишь процитировать письмо, написанное дочерью Маркса Элеонорой своему другу. В это время и мать и отец Элеоноры были серьезно больны. Она писала: «В первой большой комнате лежала наша мамочка, в маленькой комнате, рядом, помещался Мавр. Два эти человека, так привыкшие друг к другу, так тесно сросшиеся один с другим, не могли быть вместе в одной комнате...

Мавр еще раз одолел болезнь. Никогда не забуду я то утро, когда он почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы пройти в комнату мамочки. Вместе они снова помолодели,— это были любящая девушка и влюбленный юноша, вступающие вместе в жизнь, а не надломленный болезнью старик и умирающая старая женщина, навеки прощавшиеся друг с другом...» Когда умерла жена Маркса, Энгельс сказал: «Мавр также умер». Он не мог жить без любимой жены.

Через год он умер в своем кресле. Мир как бы замер на момент, чтобы дать Марксу возможность уйти из него.

«Маркс открыл закон развития человеческой истории... Маркс был прежде всего революционер. Принимать тем или иным способом участие в разрушении капиталистического общества и созданных им государственных учреждений, участвовать в деле освобождения современного пролетариата, которому он впервые дал сознание его собственного положения и его потребностей, сознание условий его освобождения,— вот что было в действительности его жизненным призванием. Его стихией была борьба...» — сказал Энгельс в своей речи на похоронах.

У могилы Маркса Энгельс сказал, что Маркс умер, почитаемый, любимый, оплакиваемый миллионами революционных соратников во всей Европе и Америке. И сегодня больше половины человечества стремится сознательно ускорить действие законов эволюции истории общества, чтобы приблизить свое спасение, свое будущее, чтобы быстрее найти выход из того ужасного положения, в котором оказались народы в результате тысячелетий угнетения и иностранного господства, ухудшения условий существования, голода и насильственной смерти.

И вот здесь-то, конечно, роман должен окончиться, хотя очевидно, что это далеко еще не конец. Но ему и нет конца, потому что сегодня Маркс жив, и его жизнь более наполнена энергией созидания и более целеустремленна, чем сто лет назад, когда он бродил по улицам Лондона. Рано или поздно вся планета станет миром марксистской идеологии, и вот тогда, наверное, можно будет заключить роман словом «конец», и то только для того, чтобы начать новую книгу о светлом дне и лучшем мире всего человечества.

А. СТАРКОВ

●

ПЕРВАЯ ЗАПИСЬ В БЛОКНОТЕ:

Александр Котиков с московского завода «Знамя труда», победитель Всесоюзного конкурса молодых фрезеровщиков, 19 лет.

Девятнадцать? Это что же, с сорок девятого он? Господи, и война-то уже четыре года как кончилась...

Гавриил Васильевич, отец:

— ...Войны я не довоевал. Кончилась она для меня на год раньше, весной сорок четвертого на Калининском фронте, близ деревни Пустошка. Ранен был в позвоночник.

А первый раз стукнуло еще в самом начале — на Невском «пятачке», под Ленинградом. Блокады хлебнул, промаявшись на госпитальной койке. Потом через Ладогу — в Тихвин, оттуда в Рязань... Прокантовался по госпиталя́м семнадцать месяцев, полтора почти года.

Второй раз был отмечен немцем на Орловском направлении, неподалеку, между прочим, от моего родного города Болхова. Густо меня накрыло: одна лишь левая нога оставалась незабинтованной. Осколок за осколком вытаскивали, они из меня и позже вылезали, а какой-то так и ношу под коленом. Недавно закололо под лопаткой, врач прощупал, говорит: «Осколочек...» От последнего, наверно, ранения — под Пустошкой. Столько лет пролежал ти́хонько, не беспокоил и вдруг зашебаршил...

Я ее, эту деревню, помню не только из-за раны и из-за контузии, которая и сейчас не дает мне за ночь больше двух часов сна, гонит головной болью с постели, по комнате волчком вертит. Мы там, под Пустошкой, в землю вмерзли... Наша дивизия штурмовая. Ельнинская краснознаменная. Ударить по противнику, толкануть его, с места стронуть — вот наша забота. Гонят его дальше другие, а нам — на короткий отдых, и снова в прорыв, на штурм. Мы улеглись в лесу, на склоне горы, в наспех вырытых канавках, устланных голыми ветками. Плащ-палатки поверху, сон солдатский, намертво, никто и не почувствовал, как вода подтекла, как схватило ее морозом, проснулись утром — не встать, шинелей не отодрать, припечатало... С той ночи простуда у меня непроходящая. Кашель вечный. На улице раскашляюсь, будет душить, пока в дом не войду. В помещении долго — опять горло дерет, спешу на улицу, чтобы прошло. Лечат — не вылечат...

Отвоевав, я в Томске лежал. Ремонтировали позвоночник. Меня еще удачно полоснуло, по хребеткам, стесало их малость, а спинного мозга, слава богу, не затронуло. Так что меня вскоре в ходячие перевели. И я попросился к делу. Как и в прежних госпиталя́х: в Рязани плотничал, в Шилове печки клал. Ни лежачей, ни сидячей жизни не призна́ю. В Томске я сперва на кухне, потом малярам помогал, а с лета на огородах, в городском ботаническом саду, верней. Он снабжал госпиталя́ лекарственными растениями да и овощами... В том саду приглядел я Анфису свою Алексевну. Она была мужем покинутая, с тремя детьми... Но зарегистрироваться нам с ней не удалось, так сложились обстоятельства. И прожили двадцать четыре года — годок остался до серебряного срока — нерасписанные. Я — Иванов, она с сыновьями — Котиковы. У ребят моих, судя по метрикам, отца нет, прочерк. А я вот он, отец! У иных при полных бумагах жизнь не складывается, а мы с хозяйкой в ласке прожили, во взаимном уважении. И, к слову сказать, платил я, как формально холостой, налог за бездетность. Но я так считал: долг свой государству выплачиваю. Кормило ведь оно меня и одевало, пока я в детдоме рос...

Наш первый, Валерка, родился в Томске... Жить мы решили в Москве, откуда я уходил в армию; у меня сохранялась столичная прописка. Один пока поехал, без семьи, не знал, как устроюсь, как с жильем образуется. В Сокольниках — сестра с мужем. Зять столяром на макаронной фабрике. «Давай,— говорит,— к нам в тарный цех, слесарь нужен, жилье дают». Чего ж еще искать! Оформился. И томские мои явились. Всё хорошо, все вместе, крыша над головой — комната в бараке,— работа рядом, через дорогу. И вдруг несчастье: сгорел барак. Где жить? На новую работу устраиваться? Не люблю я с места на место... Вот тут кузница была разрушенная, а где огород — воронка от немецкой бомбы. Крышу снесло, все внутри побило, от горна́ железо скрюченное, кронштейны торчат, а стены целые, в три кирпича. И попросил я эту кузницу под жилье. Материалами — железом, досками — помогли, а все остальное сам. Ну и видите, приличная получилась квартирка. С электрическим даже отоплением. Двадцать лет живем, переезжать не собираемся, хотя и не раз предлагали нам. Тепло, уютно, садик свой, огород, осенью на помидоры приезжайте, выставочные они у нас... Работа под боком, вон из окна видно. Не цех теперь, отдельная фабричка картонной тары, всю Москву снабжаем ящиками под макароны, под консервные банки... Вот здесь, в «кузнице», родился у нас второй мальчишка, Шурик наш, шуру́пчик...

Анфиса Алексеевна, мать:

— Это уж точно, что шурупчик, в каждую дырку гвоздь!

Тонул он у меня, с крыши падал, горел, резался, ломал руку, замерзал...

Видели шрам через щеку?.. Мы в кино спешили с мужем, он побрился, а опаску-то не убрал второпях. Наш постреленок все уже испробовал в доме. Коробок со спичками подпалил, заколку мою воткнул в розетку под током, наглотался керосину. Только вот бриться еще не брился. А тут папкина бритва лежит. Хвать ее — и, не намылившись, резанул по голой щечке. Чуть не до зубов рассек.

Тонул... Речка текла возле дома, звали Синичкой. Теперь эта Синичка в клетке, в трубу забрана, в коллектор. Довольно глубокая речушка, взрослого накроет. Была она перегорожена заводским забором. И Сашка поспорил с приятелем, что по этому забору, повиснув на руках, на другой берег переберется. Силенок не хватило, сорвался. Хорошо, я в доме оказалась, услышала крик с речки. Выбежала: сынишка тонет. Но кричал не он, дружок его с берега... Ранняя стояла весна, Сашок в пальтишке, полы-то распахнулись крыльями по воде, держат. Глотнул Синички, захлебываться начал, да я подоспела...

Замерзал... Дважды даже. В первый раз, точнее сказать, примерз. Язычишком примерз к санкам. Лизанул в большой мороз по полозью. Слыхал, что язык прилипает в таких случаях. Убедился: прилип. Да так приклеился, что дернул посильнее — вся кожица осталась на железе. Дня три, наверно, есть не мог бедняжка, только жидкое глотал... А в другой раз уснул на санках. Катал, катал по двору, утомился, прилег. А я в школу бегала за Валеркой, прождала час, у них лишний урок был. И в пути задержка. Тропинку с Шелепихи занесло снегом, узенькая, идешь, на людей натыкаешься. Спешу, нервничаю: как там Сашенька один? Не вбежала — влетела во двор. Так и есть: спит. На эдаком морозе. И две огромные сосульки на залузках. Ну это где подбородочек в щечки переходит... И сам сосулькой. Я его на руки, раскачиваю, трясу — недвижный он, не шевелится, не дышит. В комнату, на кровать — толкаю, растираю, ладонями колочу, кулаками. И ножкой-то не дрыгнет. Соседку крикнула, вместе его трясли, подбрасывали, в теплую воду окунали. Всхлипнул вдруг, охнул, заелозил — разморозился!

Так и рос, чудо, как живой сохранился... В школу шел на экзамен за восьмой класс, а наверху в доме-новостройке окна стеклили, вот такой кусочина с подоконника сполз, грохнулся и Сашке ребром по подбородку... Ракетницу какую-то сооружал, порох испытывал, на всю жизнь ладошки у него обожженные после тех испытаний... Переднего зуба нет — приметили? — городошной битой выбит...

Все мальчишки растут одинаково? Не говорите. Валерик у меня неслышно вырос, в книжку уткнувшись. Не горел, не тонул.

ИЗ ПИСЬМА ВАЛЕРИЯ КОТИКОВА АВТОРУ.

...Как мне показалось, наш разговор не совсем удовлетворил Вас. Виной тому, вероятно, моя склонность к несколько замедленному мышлению (в просторечии это называется тугодум). Я только сейчас вот сформулировал ответы на некоторые Ваши вопросы по поводу личности моего младшего брата.

А личность эта довольно любопытная. Последнее слово употреблено мной в двух его значениях, заимствованных из Толкового словаря. Первое: проявляющий любопытство, повышенный интерес к окружающему. Второе: возбуждающий этот интерес к себе, человек необычный, занимательный.

Начну со второго значения.

Мы с моим братом Шуриком давно, как говорится, знакомы, я давно его наблюдаю, он мне интересен. И если не необычен, то, во всяком случае, занимателен.

Мы росли в семье, где детей воспитывали, не пользуясь печатными руководствами и наставлениями. Педагогических брошюр дома не держали и какими-то особыми воспитательными целями не задавались, никаких специальных методов к нам не применяли. Просто отец и мать всегда были вместе, всегда с нами, жили как жили, и этого оказалось достаточно для нашего с Шуриком воспитания. Причем, выросши в одной семье, в одной домашней среде, мы одинаковыми не выросли. Совсем даже наоборот: мы очень разные. Разные хотя бы в своем отношении к тем же родителям. При равной нашей любви к ним, при равном, я бы сказал, почитании (великолепные у нас «старики»!) я в отличие от брата не принимаю как закон любую их рекомендацию. А он всегда и во всем, во всех наших дискуссиях и разногласиях (в какой семье без них?) безоговорочно на стороне родителей. Я позволяю себе порой поиронизировать над таким вот его безропотным послушанием. Он отшучивается, но твердо держится своих позиций. Это, возможно, оттого, что он живет с отцом и матерью, а я уже отделился от них и сам глава семьи. Но, я думаю, он всегда будет таким, и, может быть, это усложнит ему жизнь, а может быть, облегчит, не знаю... И вообще я, наверно, зря касаюсь здесь этой многосложной проблемы отцов и детей. В коротких словах ее не выразишь, а показаться примитивным мне бы не хотелось...

В нашей беседе Вы обронили словцо: «покладистый». Не покладист ли мой брат, спросили Вы. Честно говоря, такого слова не было прежде в моем обиходе. Я снова заглянул в Ушакова: «Уступчивый, сговорчивый, легко приспособляющийся к другим...» Нет, в таких категорических формах эти качества к брату неприложимы. А какие-то элементы есть. Уступчивый, сговорчивый? Не упрямый по-глупому, вот так сказать вернее. Понимающий других. А не приспособляющийся к ним. Он умеет слушать, умеет, повторяю, понять человека, то, что называется, стать на его место. Но это не означает, что он поступит так же. Он поступит сообразно собственному разумению. И в этом смысле неуступчив и несговорчив. И, значит, не покладист? Если сие понятие исключает принципиальность, то, конечно, не покладист... Не противоречит ли это тому, что я сказал о его отношении к родителям? Отнюдь. Он убежден, что родители всегда правы, и в этом своем убеждении принципиален.

Ну, а если попроще о нем, не заглядывая уж в самую душу? Какие внешние, что ли, качества выделить?

Шустрый он... Если не нравится это слово, замените его другим: бойкий, быстрый, ловкий, проворный. Руки у него проворные, отцовские. И у того и у другого минуту не лежат они

Про Сашу Котикова,

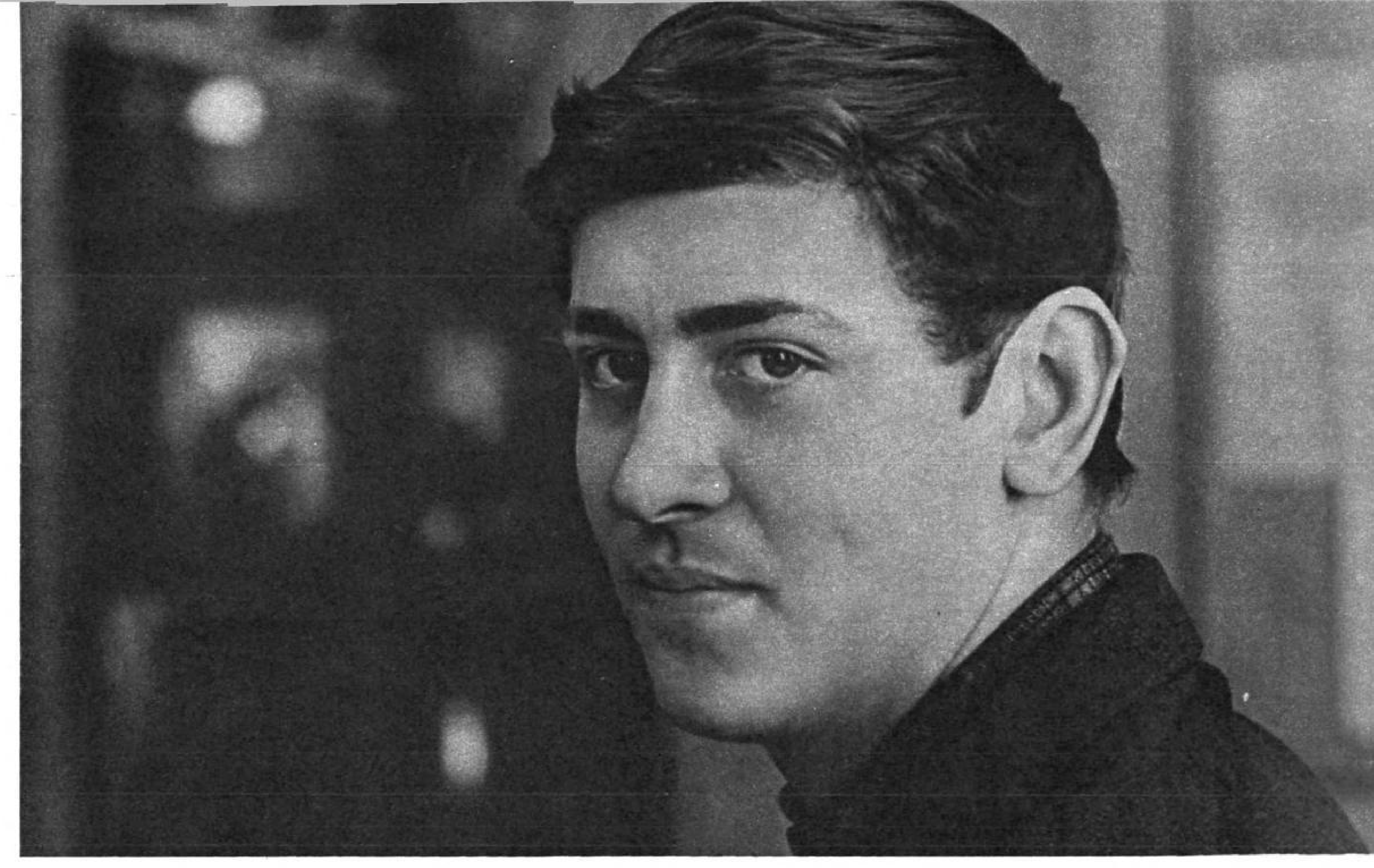

Фото М. Савина.

спокойными, незанятыми, не держащими какой-нибудь шайбочки, какой-нибудь пластмассовой прокладочки. Вы же были у нас дома, видели Шуркину мастерскую, его инструментальное хозяйство, его поделки: вертолет, телескоп, архимедово орудие. Это последнее представляет собой установку, работающую, элементарно говоря, по принципу рогатки. Предназначена для запуска ракет и названа автором «Коломбиной». Я, как окончивший механико-математический факультет МГУ, был привлечен к ее сооружению в качестве научного консультанта и могу засвидетельствовать, что ряд серьезных технических задач был блестяще решен конструктором. «Коломбина» и в исполнении хороша. Полет ракеты был осуществлен в один из первых теплых весенних дней. Я подчеркиваю это обстоятельство, поскольку оно имело грустные последствия для нашего старшего брата, Геннадия. В холодную погоду не вышел бы он на крыльцо дома с чашкой какао. Он стоял, растягивая удовольствие, смакуя каждый глоток. И снисходительно поглядывал на наши приготовления. Все манипуляции были завершены, и ракета ушла на заданную трассу. Но закончила она полет, немного удалившись от расчетной точки приземления. И приводнилась в некую емкость, в бочку с жидким и довольно пахучим удобрением, приготовленным отцом для огорода. Часть содержимого бочки оказалась в чашке с какао. Выражение снисходительности сменилось на лице нашего старшего брата... ну, не буду уточнять, каким словесным выражением оно сменилось.

Техническую сметку, изобретательность будущего победителя всесоюзных соревнований фрезеровщиков я наблюдал с детских его лет. Шуркина находчивость не раз выручала нас в сложных и неприятных ситуациях. Однажды, оставшись на зимних каникулах одни в доме, мы баловались с дверью, хлопая ею так, чтобы приподнятый крюк сам от толчка попадал в петлю. Нам долго это не удавалось, но наконец удалось и как раз в момент, когда мы случайно очутились за дверью, в холодных сенях. Что делать? Как попасть в комнату? Выламывать дверь? Через форточку? Не пролезть... Дожидаться отца, матери? Их возвращение не сулило нам ничего хорошего. Я был в отчаянии. А маленький Шурик, учившийся тогда еще в первом классе, нашел выход из положения. Зоркие, наблюдательные его глаза приметили, что кончики петли, ее дужки, загнуты и прибиты на внешней стороне двери. Отогнуть их и протолкнуть, сбросив таким образом петлю вместе с крюком, а затем все восстановить было уже несложно. Когда возвратились родители, они не обнаружили никаких следов от проделанной нами операции.

Мой младший брат — человек решительных действий. Этому его качеству я обязан своей женитьбой. Мне нравилась девушка, которая приезжала иногда к нашим соседям откуда-то из Подмосковья. Я не решался познакомиться и таил в себе свои чувства. Но мой брат наблюдателен не только в технических ситуациях. Как-то он сказал мне: «Тебе нравится Валя...» «Какая Валя?» — спросил я. «Не финти...— сказал он.— Соседкина племянница. Я все вижу...» «Что ты видишь?» «Все! И сейчас ее приведу». Он выскочил из дому и вскоре действительно привел Валю. За руку. Смущенную... Это было в Первомайский праздник. Мы собирались на Ленинские горы смотреть салют. Собирались всей семьей, с утра еще сговорились. Но вдруг и у Шурки, и у Генки, и у отца с матерью нашлись какие-то неотложные дела, и они не поехали. Отправились лишь мы вдвоем, я и Валя...

Теперь о первом значении слова «любопытный» (в смысле любознательный, проявляющий интерес) применительно к нашему Александру. Перечислять все его «интересы» и «любопытства» — занятие безнадежное. В почте журналов «Техника — молодежи», «Знание — сила», «Наука и жизнь» немало писем читателя А. Котикова. Не на все его вопросы редакции способны, видимо, ответить. Так, до сих пор не получен, например, ответ по поводу некоторых проблем современного вертолетостроения. Я и сам, как представитель науки в семье, частенько оказываюсь жертвой неуемной Шуркиной любознательности. Никогда не знаешь, откуда тебе будет нанесен удар очередным вопросом. «Валерий, объясни, пожалуйста...» И я уже замираю, услышав эти слова. «Ты читал про человека, проспавшего двадцать лет?» «Читал, кажется...» — говорю я с робостью, не ведая еще, что за этим последует. «Как ты думаешь, такому спящему бюллетень выписывают или переводят на инвалидность?» «А ты что, собираешься заснуть на двадцать лет?» «Нет, не собираюсь, мне просто интересно...» Ему «просто интересно» все вокруг... У Шурика десять классов, которые он окончил, работая на заводе. А последующая учеба у него еще не запрограммирована, в институт не спешит пока. Когда я заговариваю об этом, шутит: «Хватит для Котиковых и одного академика». Меня имеет в виду... Я продолжаю наступать, он говорит: «С осени — в армию, а потом видно будет». Это «видно будет» немножко огорчает меня, я бы очень хотел, чтобы он учился. Руки у него хороши, а голова не хуже.

...Не знаю, устроят ли Вас эти беглые мои наблюдения. Во всяком случае, можете распорядиться письмом, как Вам будет угодно. Покажите его Шурику. Интересно, что он скажет...

ИЗ ДИАЛОГА АВТОРА С ГЕРОЕМ.

— Прочитал?

— Прочел... Скажи, пожалуйста, целое сочинение накатал. А в школе-то не был мастак на сочинения. Я хоть и моложе на три года, а помогал ему в этом деле. У меня фантазии больше. Он математик.

— А математику, ты считаешь, фантазия не нужна?

— Она у него другая. Как бы вам это объяснить? Я про конкретное фантазирую, про

РАБОЧЕГО ЧЕЛОВЕКА

жизнь, а он про отвлеченное... А вообще-то вы не глядите, что Валерик такой задумчивый, в очках. Он очень сильный человек. Видели штангу у нас во дворе? Легко левой рукой выжимает... Он любит цели ставить перед собой. Сказал, что будет... этим, ну есть такое слово... человек, который знает много языков...

— Полиглот?

— Точно, полиглотом хочет быть. Десять языков наметил себе. Читает английские книжки, которые ему нужны по работе. Французские читает. Теперь вот принялся за испанский, купил самоучитель, пластинки. «Испанский,— говорит,— освою, начну итальянский...» А что это у вас за камень на полке?

— Я привез его из Афин, с Акрополя.

— Мрамор, да? А у меня камешек с Голубого утеса. Это на Томи такой. Где Баскандайка впадает в Томь... Мамина родина. Я туда прошлым летом ездил. Вы не говорите маме, что я лазил на Голубой утес. Задним числом будет переживать. На эту скалу не советуют взбираться: выветрена она насквозь, осыпается. Но самые красивые камни — на верхушке. Я привез — голубей голубого. Только море бывает таким... А вот деревянный бычок ручной работы?

— Ручной, по-моему.

— А можно его на фрезерном! И вот чернильный пузырек с крышечкой тоже можно. Полусфера? Не страшно. В две подачи. Шар, сферу сложнее. А захотеть — можно!..— Он обежал глазами комнату, как бы выискивая, что бы тут еще отфрезеровать.— Вон того старика с рыбкой — запросто. Керамика, да? Я такие в Литве видел. А в металле выглядел бы выразительней... Между прочим, фрезой и гравируют. Нашему цеху заказали мемориальную доску. Для клуба. С именами погибших на войне. Буквы фрезеровали... Можно и письмо написать фрезой. Любым почерком.

— Ты пробовал?

— Могу. Но вы не пишите об этом. Ребята скажут, нашел чем хвалиться... У нас в цехе профессора, асы! Пронин, Акинин... По нулевому классу точности работают, чище не бывает. Я им неровня.

— Но ты же победитель Всесоюзного конкурса.

— Что из того? Конкурс-то был только для молодых фрезеровщиков. Не старше двадцати лет... А до настоящих мастеров мне еще скакать да скакать!

— Я слыхал, с тебя художница портрет пишет?

— Ага, рисует...

— В ГДР тебя посылали?

— Ездил. С экскурсией в Лейпциг.

— На ярмарку?

— Нет, на выставку «Мастера завтрашнего дня». Так они молодых изобретателей называют.

— А что была за экскурсия? От завода?

— От цека комсомола. Собрали победителей соревнований. Токари, трактористы, шоферы, ну, и я от фрезеровщиков. От Москвы еще Мишка Панкратов был, шофер.

— Хороший шофер?

— Спрашиваете... Он же первое место занял! Знаете, как водит машину... Ас! Им на узенькой дороге флажки расставили. Как лыжникам на слаломе. Провел он на предельной скорости грузовую между флажков — не шелохнулись даже. В гараж нужно было с разгона. В такие ворота, что чуть только габарит проходил. И остановить точно на белой линии... Он по всем статьям победил!

— А ты водишь машину?

— Ага, Генкой обучен. Он до армии шоферил на целине. У него медаль за целину... А в Москве не хочет шофером, боится большого города. Слесарем у нас на заводе, на сборке... Скажите, пожалуйста, а что это за башня видна у вас в окно?

— Пугачевская башня, кажется...

— А почему так называется? Пугачев в ней сидел?

— Возможно...

— Специально для него построена? Или раньше стояла?

— Право, не знаю.

— Живете напротив и не поинтересовались...

Упрек справедливый. Действительно, живу напротив и так мало знаю о башне, которая все время перед глазами...

ИНТЕРВЬЮ ДАЮТ ДВОЕ.

Владимир Кретов, председатель цехкома, бывший комсорг. Первое впечатление было такое: парень как парень, но что-то в нем есть...

Владимир Шнейдерович, мастер механического участка. Быстро его в цехе приметили. Помню, кладовщица из инструменталки сказала мне: «Что это у тебя за черноглазенький появился? Инструмент возвращает, любо поглядеть, будто и не работал. И всегда «спасибо» скажет...»

Кретов. Он заводу сразу пришелся, а завод ему.

Шнейдерович. Именно! Друг другу пришлись... А бывает, старается, мыкается, мучается человек — не идет работа в руки. И не пойдет. Она, работа, видит, какие руки перед ней. Я в таких случаях говорю начальству: «Не держите вы Сидорова. Не получится из него фрезеровщика. Не то призвание, не туда попал». А Сашок — туда! Угадал свое место человек. И место приняло его.

Кретов. Наблюдали его у станка? Будто сам врезается в металл, будто сам фреза!.. Реакция мгновенная, как у хорошего боксера. Темп! Сашка с первых дней такой. Помнишь, Львович, как он пакетом резал?

Шнейдерович. Помню, конечно. Это еще в учениках. Стальные квадратики он торцевал. По одной, как я велел, штуке. Постоялпостоял я у него за спиной, вижу — нормально. Отошел. Но прислушиваюсь, как идет станок. Нормально. И вдруг дребезжащий звук с нарастанием. Я подбежал, скорость выключил, вижу: в пачке он режет. Скучно стало по одной: медленно... И он детали — в пакет, пять штук сразу. Положил плашмя, а зажал с боков. Габариты разные, какая короче, какая длиннее, губки широкие, и зажата, собственно, из пяти деталей одна, остальные болтаются в губках, а фреза — восемьсот оборотов, представляете? Метнуло бы так, что на другом конце пролета всадило б кому-нибудь по лбу. Ругнул я новичка, но подумал, что мыслишка-то в нем бьется, в правильном направлении глядит. Технология позволяла фрезеровать в пакете. Только класть его нужно было не плашмя, а на ребро...

Кретов. Владимир Львович сказал насчет человека и места. Поговорочка известная: кто кого красит. А может, им взаимно надо украшать друг друга: человеку — место, а месту — человека?.. Сашке повезло с «местом». Хороший у нас завод, хороший цех. Люди вокруг добрые, делом заняты — рабочий класс! Да и Сашке не нужно было пристраиваться. В смысле изменять, перестраивать шаг. Он у него из дому нашенский, от отца с матерью...

Шнейдерович. Это верно, ему не пришлось окунаться в незнакомую обстановку, как в прорубь. Он уже «выкупался» дома. И заводская среда была для него своей, а он ей — свой. И руки умели уже делать многое из того, что нужно заводу, ладони были шершавы...

Кретов. Сашке еще и дополнительно повезло.

Шнейдерович. Ты что, Володя, имеешь в виду?

Кретов. Разнообразие, номенклатуру! Нет почти деталей в современном машиностроении, чтобы не проходила через наш цех. Любые варианты, любые профили. И если не все — через Сашкины руки, то он же видел, как другие делают...

Шнейдерович. Технология у нас такая, что технологи порой за ней не поспевают. Поступил заказ — сразу на станок. Технологии составлять некогда, она «пишется» под резцом, под фрезой. Станочник, первым обрабатывающий новые детали, как бы надиктовывает ее технологу. Круг таких первопроходцев, конечно, ограничен: мастера, виртуозы. И Сашок уже в этом кругу...

Кретов. Он потому и победил на городском конкурсе, что выбрал наивыгоднейшую технологию. Совершенно неожиданную даже для тех, кто придумывал задание.

Шнейдерович. Соревнования проходили у нас в цехе. Съехались соискатели со всего города. Чемоданчики в руках. Ну как у спортсменов, спешащих на стадион. Только в этих чемоданишках не тапочки, не полотенце — инструмент. Фрезочки, зажимы, прокладки. И по тому, как все это уложено, как поблескивает, наметанному глазу видно, кто чего стоит. Я приметил паренька небольшого росточка, в ковбоечке. Он раскрыл свой чемодан, и я подумал: вот главный конкурент нашему Александру. И не ошибся. Как роздали задание, как включились станки, этот «ковбой» рванул... Конкурсная деталь была из типа «вилок». По третьему классу точности. На квадратной заготовке — разметка. Она подсказывала, собственно, технологию: начинать с контура, оконтурить «вилку», а затем уж внутренняя обработка — пазы, отверстия и все прочее. Так все и начали. Все. Кроме Александра... Вы понимаете, я следил главным образом за ним. Но и за «ковбоем» поглядывал. Я видел: работник! Лицо бегуна на стометровку. Скулы сведены, весь напряжение, летящая стрела, рвется к «ленточке». А наш как на длинной дистанции, на марафоне: бежать еще и бежать. Лицо спокойное, спокойнее, чем обычно. Даже с налетцем равнодушия какого-то. Я ему и сам советовал не волноваться, но уж не слишком ли он хладнокровен? Не переоценил ли своих сил, точно ли рассчитал время? То, что он начал не как другие, меня не тревожило. Я понимал его замысел. В этом замысле, правда, таилась опасность, был определенный риск: потерять темп вначале. И для наблюдателя со стороны наш Александр явно проигрывал «ковбою». Тот был значительно впереди, деталь была у него почти оконтурена. И фотографы устремились к его станку, нацелили объективы. На какой-то момент и я колебнулся: не переиграл ли Сашок, не передержал ли, что называется. Но менять избранный им способ было уже поздно. Вот-вот «ковбой» рванет «ленточку». И вдруг затоптался — затоптался у самого финиша, кто-то словно оттягивает от него «ленточку». Близка, совсем близка, а никак не коснуться ее грудью... И тут голос: «Готово...» Негромкий голос Александра Котикова: готово. Фотоаппараты оборачиваются в его сторону... Что же произошло? Я уже сказал, что разметка на заготовке как бы предопределяла технологию. Разметка говорила: начинайте с контура. И соблазн был велик: заготовка квадратная, ее легко зажать в тисках. И «ковбой» и все станочники, кроме Сашки, поддались на эту легкость. А когда деталь была оконтурена, приобрела усложненную форму, ее уже не удавалось зажать в тиски, ее выпирало, она выскальзывала, и нужны были дополнительные крепления. Вот тут-то и затоптался «ковбой». А Сашка начинал с того, чем все кончали. Он начал с внутренней обработки, с пазов, с отверстий, с самого трудного. Перетаскал сперва тяжелые камни. И проделал все это в наилучших условиях, когда квадратная заготовка была надежно прихвачена, закреплена в тисках, когда легко было фрезеровать. А контур получился уже почти сам собою. Проделав пазы, отверстия, Сашок снял лишний металл, лишнее «мясо», осталось дватри раза пройти фрезой, и деталь готова... Я видел, как он, сдав работу, подошел к газировке. Он долго не мог попасть стаканом в ободок: руки дрожали от усталости. Но это были руки победителя...

ИЗ ПИСЬМА МОСКОВСКОГО ГОРКОМА ВЛКСМ.

Уважаемая Анфиса Алексеевна и Гавриил Васильевич!

Московская комсомольская организация проводила соревнования молодых рабочих за звание «лучших по профессии», посвятив их славному 50-летию Великого Октября.

Более 30 тысяч юношей и девушек на 337 предприятиях города боролись за право считаться лучшим молодым токарем, фрезеровщиком, слесарем.

МГК ВЛКСМ от всей души поздравляет Вас с победой Вашего сына в этих соревнованиях и благодарит за воспитание достойного представителя юного рабочего класса столицы. Его победа — это наш общий успех, наш общий праздник.

Вы можете гордиться своим сыном так же, как его трудом, отношением к работе, его рабочим мастерством гордится московский комсомол.

И пусть Ваш сын-комсомолец никогда не забывает, что его работа должна быть образцом для товарищей по заводу, должна быть достойным ответом на родительские заботы, на ту честь, которую оказал ему комсомол, назвав лучшим из лучших.

А потом он победил и на всесоюзных соревнованиях. Он теперь чемпион фрезы в масштабе СССР. Приз — фреза. В хрустале. И, к сожалению, работать ею нельзя...

Е. Табакова. ЦВЕТЫ МАЯ.

А. Дейнека. ВСЕ ФЛАГИ В ГОСТИ ЛЕТЯТ К НАМ.

А. Полюшенко. ВЕСЕННЯЯ РАДУГА.

ПУТЬ АЙНИ

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ САДРИДДИНА АЙНИ

«Устод» означает по-таджикски мастер, учитель. Так называли Садриддина Айни, выдающегося поэта и ученого таджикского народа.

Замечательна, своеобразна и поучительна его судьба. Сам Айни так характеризует ее: «Сорокалетним писателем встретил я Октябрь и в этом возрасте поступил в школу Октября. Эта школа воспитала меня, и, пройдя ее, я словно заново родился...»

Садриддин начал писать стихи рано. Он печатал их под различными псевдонимами. В 1896 году он взял себе псевдоним «Айни». С тех пор в таджикской литературе появляется новый писатель, Садриддин Айни. Ему суждено было сыграть роль зачинателя советской таджикской литературы.

Первые же стихи Айни понравились широкой публике. Это были любовные стихи — газели,— написанные в раннеклассической манере. Но они отличались ясным, образным языком, были свежи и поэтичны. Молодой Айни быстро становится известным как поэт. Его произведения включают в таджикскую антологию, и там ему дается высокая характеристика.

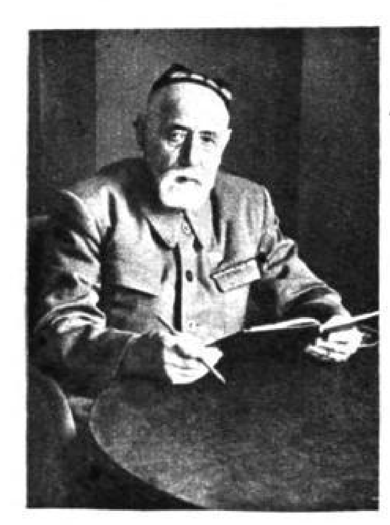
Начал писать Айни и прозу. Его повесть «Счастливое семейство» произвела большое впечатление на читателей.

Всюду успех сопутствует Айни. Его стали приглашать в богатые дома, льстить. Но Айни не привлекала будущность приближенного ко двору поэта. Просветительская деятельность — вот задача, которую себе ставит писатель, и борется за открытие для бухарской молодежи общедоступной школы европейского образца. Пишет учебник «Воспитание детей» — первое в истории Бухары светское учебное пособие. В учебнике мы находим значительное число стихов, притч и басен разного времени.

После свержения самодержавия в России в Бухаре обстановка накалилась. Джадиды — оппозиционно настроенная к эмиру буржуазия — пытались устроить демонстрацию, обреченную заранее на провал. Эмир, преследовавший прогрессивно настроенного писателя, воспользовался этим и после демонстрации 9 апреля, в которой Айни не участвовал, его арестовали и приговорили к 75 ударам палками по голой спине. Не была пощажена ни его ученость, ни поэтическая известность. Айни неминуемо погиб бы. Его спасли русские солдаты, возвращавшиеся с фронта. Его вызволили истерзанного, почти безжизненного.

Айни рассказывает, как его вывели из тюрьмы и как тут же возник митинг: «Один за другим выступали солдаты и клялись отомстить эмиру. Над митингом взвилось красное знамя, и я стал под ним, поддерживаемый одним из солдат».

Вся жизнь и деятельность Садриддина Айни после Великой Октябрьской социалистической революции неразрывно связаны с развитием таджикской советской литературы. Ее зарождение происходило в 1917—1929 годах и связано с борьбой за утверждение Советской власти в Средней Азии. Айни становится первым таджикским советским агитатором, советским журналистом и советским педагогом. Он становится и зачинателем таджикской советской поэзии. Айни написал ставшие известными стихи «Марш Свободы», «Во славу Октября». Потом стихи вышли отдельным сборником «Искра революции».

Работал Айни и над очерками по родной истории: «История эмиров Мангитской династии».

Не менее богатой и значительной была педагогическая деятельность Айни. Первым учебником его была составленная в 1922 году книга на узбекском языке «Девочка, или Халида».

Важнейшим делом его жизни был большой труд по составлению антологии «Образцы таджикской литературы».

В 1927 году вышла первая книга трилогии Айни, «Одина», потом два других романа: «Дохунда» и «Рабы». Эта трилогия стала классикой советской литературы.

В конце своей жизни он создает «Воспоминания» — выдающееся произведение, написанное с большой страстью, явившееся вершиной творчества писателя.

Айни всегда находился под обаянием таланта Горького. На I съезде писателей он лично знакомится с Алексеем Максимовичем, и это знакомство оставило в его душе неизгладимый след. Айни пишет об этом в своем замечательном очерке. Все переводы горьковских произведений проходят его тщательную редакцию. Ему он посвятил одно из своих наиболее проникновенных стихотворений. И почти каждое свое выступление в писательской среде по очередным вопросам литературной жизни Айни начинал ссылкой на Максима Горького. Благодаря своей любви к Горькому Айни, воспитанный в прошлом на образцах таджикской поэзии и восточной классики, приобщился к русской культуре. Свои произведения он не переводил, а переписывал по-узбекски. Поэтому и таджики и узбеки одинаково считают Айни родоначальником своей советской литературы.

15 июля 1954 года Садриддин Айни скончался. После его смерти не прекращается публикация его работ, статей и книг — столь велико его наследство. «Вечно живой» — так обычно любил Айни характеризовать Горького. Эти слова могут быть отнесены и к нему.

Т. ГОНЧАРОВА

Льдины идут в океан

Лучше всего я весну понимаю,
время прилета летующих стай.
Сердцем привязан я к месяцу маю,
и, как язычник,
я праздную Май.

Теплосердечный и розовощекий,
полный весенних надежд и забот,
он приходил в свои точные сроки
и приводил за собой
ледоход.

Плыли по Лене последние льдины,
с ними плелись в океан холода,
день становился и легкий и длинный.
С детства я
май полюбил навсегда.

Праздник души — потепление света.
Счастье — под снегом увидеть траву.
Я ведь родился в преддверии лета —
вечным предчувствием счастья
живу.

Леонид ПОПОВ

Перевел с якутского
А. ПРЕЛОВСКИЙ.

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

Ликующая высь

Колонны!
Словно сотни ручейков
Слились в ликующее море...
Пришла,
Пришла,
Пришла сама История,—
На Первомай
глядят глаза веков.

Синь ярче,
Солнце празднично горит.
Хотим цветов, ветров и песен мая,
И чтоб детей высоко подымали,
Как будто солнцу поднося дары.

Салют задарит небеса огнями,
Сольется с ними
Звезд весенних свет...

Пусть торжества людей объединяют.
У горя
Прав на будущее
Нет!

Юрий ЛОСИНЦЕВ

Как по сигналу

Погожее утро выбрав
(птицы сигнал споют),
деревья различных калибров
набухшими почками бьют.

Я слышу бесшумные залпы
сквозь шум городского дня.
Весеннего пороха запах
доносится до меня.

И травы идут в наступленье,
и дух наступленья высок,
и надвое рубит каменья
травинки зеленый клинок.

Сверкает он, солнцем замеченный.
И я у него в плену.
О, если бы человечество
лишь эту знало войну...

Валентин КУТЕЙНИКОВ

А ДОРОГАХ

Эрик ВЕСТФАЛЬ

Эд рассказал ему о своих утренних приключениях. Негр хохотал вовсю. Потом смолк.

— А вы не боитесь? — вдруг спросил он.

— Чего?

— Быть со мной. В машине негра.

— Нет.

— Ну-ну! Меня зовут Том. Откуда вы приехали?

Эд назвался и рассказал о себе. Том начал расспрашивать его о Европе: как там живут, как работа, жилье, зарплата, красивы ли пейзажи, богата ли земля, играет ли какую-то роль расизм, счастливы ли там люди?

— Я учитель,— сказал он,— надо воспользоваться встречей с вами, чтоб узнать все, что мне нужно. Ведь я в первый раз и, без сомнения, в последний вижу в своей таратайке француза...

Эду пришлось прочесть целую лекцию. Его собеседник был очень любознателен. Для него, как и для Эммы, Европа была континентом довольно отсталым по сравнению с Америкой.

— Иногда в газетах,— сказал он,— говорят о единой Европе, но эта идея постоянно подвергается сомнению, откладывается в долгий ящик. А ведь это так ясно: в единении — сила. Чего же вы ждете?

— Если глядеть издали, это кажется просто. А вблизи более деликатно. В принципе все или почти все согласны по поводу единства, но нет согласия насчет того, как решить эту задачу.

Когда Эд рассказал, что в Латинском квартале негр и белая девушка могут прогуливаться под руку, не вызывая недоброжелательных замечаний, его спутник покачал головой.

— Очень трудно вам верить,— вздохнул он.— Во всяком случае, у нас подобного зрелища еще долго не увидите.

— Расизм...— сказал Эд.

Том прервал его:

— Вы не представляете себе, что это такое. Для этого надо быть негром. Это поймешь нутром, а наше нутро принадлежит только нам. Скверно. Как если бы вам пришлось дышать только одним легким.

Студент начал перечислять новые законы. Негр усмехнулся.

— Ну, конечно, есть какой-то прогресс. Но законы бессильны, если не меняются нравы. Приходится считаться только с нравами, это и есть повседневность, подлинная жизнь.

— Понимаю.

— Понимаете, но не знаете.

Машина внезапно сделала резкий рывок — молодой учитель, заговорившись с соседом, на мгновение ослабил внимание. Сзади них послышалась сирена.

— Вот такая у меня удача,— охнул Том.— Нужно же было, чтоб сзади нас оказался полицейский! Вот беда...

Мотоциклист догнал их и сделал знак остановиться у края шоссе. Том повиновался.

— Главное, ничему не удивляйтесь, что бы ни происходило,— пробормотал он Эду сквозь зубы,— и не открывайте рта, по крайней мере до тех пор, пока вас не спросят. Предоставьте все мне.

Полицейский поставил мотоцикл на подпорку перед их машиной. С грозным видом медленно подошел. В какую-то долю секунды лицо учителя изменилось — физиономия его теперь выглядела настолько идиотской, глупой, тупой, что Эд похолодел.

— Что такого я сделал, господин полицейский, почему вы остановили меня, как вора?

— Документы,— потребовал тот.

— Вот, господин полицейский.

Он протянул конверт с документами. Мотоциклист перелистал содержимое с видом отвращения.

— Скажи-ка, грязный негр,— прорычал он,— ты частенько делаешь на дороге эти зигзаги? Выпил ты или что?

— Я пью только молоко, господин полицейский.

— Но и оно тебя не обелит,— ответил тот с усмешкой. Каламбур ему понравился, и он издевательски захохотал во все горло.

Руки Тома инстинктивно вцепились в руль. Но и он тоже начал громко смеяться:

— Вы шутник, господин полицейский.

— Это я шутник? Сейчас узнаешь, какой я шутник.

Он обошел машину.

— Включи левый сигнальный огонь...

Том повиновался.

— Теперь правый!

Том выполнил и этот приказ.

— Фары!

Так прошло пять минут. Полицейский придирчиво прочесал всю машину, по ходу дела заявляя, что правая фара неполноценна, что номерная дощечка слишком грязна, чтоб можно было увидеть номер, что стеклоочистители не действуют.

— В общем,— заключил он,— вождение машины не соответствует правилам безопасности. Я составлю сейчас протокол.

Он вытащил из кармана квитанционную книжку с талонами. Том начал умолять его.

— Ну, пожалуйста, господин полицейский,— хныкал он,— будьте любезны! Не в таком уж скверном состоянии моя машина, как вы говорите!

На лице полицейского появилась недоброжелательная улыбка. Он держал свою добычу в руках.

— Ты возражаешь, грязный негр? Скажи еще, что я не знаю своего дела! Ну?

— Я ведь этого не говорил, господин полицейский, но моя машина...

— Заткни свою пасть!

Сердце Эда громко билось. Злобные мысли заполнили его голову.

— Действуют или не действуют эти стеклоочистители? — снова начал мотоциклист.— Не действуют! Так. Я это констатирую.

— Но в это время года никогда не бывает дождей...

— Правила есть правила.

Том нажал кнопку. Стеклоочиститель заработал. Лицо негра просияло.

— Вы видите, господин полицейский, они действуют, хорошо действуют. Смотрите!

— Как же это получилось, что раньше они не работали, а сейчас уже все в порядке?

— Я не знаю.

— Надо знать!

— Должно быть, раньше я нажал не на ту кнопку.

— Не на ту кнопку?

— Может быть...

— Стало быть, ты не умеешь управлять своей машиненкой!

— Но...

— Заткнись. Это серьезно.

— Я вам сказал, что...

— Слушай, жалкий негр, то или это — на выбор, и хватит разговора: нарушение по причинам плохого действия механизма машины или нарушение из-за неумения ею управлять.

— Я бы не хотел ни того, ни другого, господин полицейский.

— Ты хочешь увильнуть, негр.

— Нарушения дорого обходятся, а я не богат, господин полицейский.

По лбу учителя катился пот. Эд больше не мог сдерживаться.

— Господин полицейский,— вежливо начал он.

Тот грубо оборвал его:

— Я тебя не спрашиваю. Я не разговариваю с белыми, которые якшаются с неграми. Негры — это ничтожество, но люди твоей породы еще ничтожней.

— Я племянник французского консула в Атланте,— сухо отрезал Эд, не моргнув глазом.— Я на вас пожалуюсь, господин полицейский № 7651.

Мотоциклист открыл рот.

— Как вы сказали? — спросил он спустя минуту.

Эд повторил сказанное. Полицейский заметно разволновался. Французский консул был одним из постоянных гостей за карточным столом самого губернатора штата во время игры в бридж. Имя консула часто появлялось в газетной светской хронике. Все это было известно местным полицейским. И этот человек смягчил свой тон.

— Как же случилось, что вы оказались в этой жалкой машине вместе с негром?

— Он любезно согласился взять меня в качестве пассажира. Я студент, путешествую, пользуясь «автостопом», чтоб посмотреть страну.

Полицейский раздумывал. Акцент у молодого человека был такой же, как у французов в кинофильмах. Не было сомнений в его иностранном происхождении. Надо было внять голосу благоразумия.

— Хорошо,— сказал он, попытавшись улыбнуться.— Пусть так. Конечно, это несколько меняет дело. Кроме того, стеклоочистители, кажется, работают, а? У меня нет повода продолжать с вами спорить.— Он переминался с ноги на ногу.— Вы понимаете, в нашем деле надо быть внимательным. Я... можете ехать дальше. И осторожней при резких поворотах!

— Спасибо, господин полицейский.

Они отправились в путь. Раздосадованный мотоциклист следил за ними издали. Старая колымага набирала скорость. Эд расхохотался.

— Хорошо мы его обвели!

— Что, разве это неправда, и вы не...

— Ну, конечно, нет. Я ничем не рисковал...

— Но...

— Система Д, друг, типично французская. Действует наверняка.

Том был ошеломлен. Эд откинулся на сиденье. Его охватило горькое чувство. «Почему так унижать себя, безропотно и постоянно?» — спросил он. Его спутник не пытался оправдать свое поведение.

Продолжение. См. «Огонек» № 17.

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

— Я вас предупреждал,— сказал он.— Вы не сможете этого понять.

Уже было около двух часов дня. Студент предложил перекусить. Они остановились у дорожной закусочной и, не сходя с машины, заказали еду. Их обслуживал черный официант, проявлявший какое-то беспокойство. Он наклонился к Тому и прошептал ему быстро что-то. Француз не успел уловить смысл сказанного.

Когда официант удалился, учитель сказал, что в Атланте происходят волнения. Состоялось шествие негров, требующих права на внесение их в список избирателей. Полиция запретила вход в городской муниципалитет. Произошло столкновение, стрельба. Радио сообщило о том, что с той и другой стороны много раненых. Въезд в столицу штата строго охраняется.

Учитель робко предложил Эду провести ночь под его крышей. Он вместе со своей семьей жил в нескольких милях от города, в поселке.

— Для вас было бы опасно сегодня вечером приехать в Атланту,— сказал он.— Если нас остановит полицейский заслон, вас автоматически обвинят в дурных намерениях. Вас примут за сторонника интеграции, да еще со мной, негром,— обоих сочтут активистами. Надо подождать, пока все успокоится. Вы не всегда сумеете быть племянником консула, и не все полицейские откажутся от крутых мер в наших местах.

Эд согласился, хотя и чувствовал себя не совсем удобно: не стеснит ли учителя неожиданный визит.

— Не опасайтесь, вас хорошо примут!

Еще несколько минут они продолжали свой путь молча.

— Часто происходят здесь расовые волнения? — спросил студент.

— В это время да.

— Вы в них когда-либо участвовали?

— Часто.

Том замедлил езду и одной рукой отвернул манжетку брюк. На щиколотке его правой ноги розовел широкий шрам.

— Собаки!

II

Удары сыпались дождем. Обессиленный человек уже не мог ни отвечать на них, ни прятаться от них. Кровь струилась по его опухшему лицу. Их было двое, цепко державших его руки, в то время как третий старательно обрабатывал его физиономию. Человек уже и кричать не мог. В тот момент, когда он уже терял сознание, рядом остановилась машина. Из нее вышли двое и побежали к нему. Один из них был негр, а другой — белый, человек небольшого роста. Наступил обморок.

Разбудили его толчки. Он лежал на заднем сиденье старого автомобиля — об этом он догадался по пружинам сиденья, которые кололи его тело. Они ехали медленно по проселочной дороге. Ему вытерли лицо. Кровь уже не шла, но он чувствовал себя сломанным, разбитым, не способным на малейшее движение. Он осмотрительно скрыл свое возвращение к жизни и прислушался. Двое людей, которые выручили его, сидели впереди и беседовали. Негр вел машину.

— Виноваты не только они,— сказал негр.— Их сделала такими жизнь. Это ребята без образования, без работы, у них нет жилья, они предоставлены себе. Они воруют, грабят, это опасные люди, даже полицейские их боятся. Ничто на них не действует: ни мягкость, ни уговоры, ни исправительные дома. Они родились неизвестно где, пришли неизвестно откуда, уходят неизвестно куда. Они нигде не задерживаются, бросаются то в деревню, то в город в поисках немедленной добычи, которую можно тут же использовать для нужд повседневного существования. Это люди без корней.

— Все же,— сказал другой,— мы появились вовремя. Это несчастный парень, они бы его совсем прикончили.

— Возможно,— ответил другой.

Раненый на своем сиденье вдруг вздрогнул. Сомнений не было, у белого был французский акцент. Он застонал, потом немощно вымолвил:

— О! Дерьмо!..

Эд, в свою очередь, изумился:

— Скажите, пожалуйста!

— Что там такое?

— Он ругается по-французски.

— Ну и денек выдался! — усмехнулся учитель.

— Это настолько французская брань,— добавил Эд,— что только наши ею пользуются.

— Ну если он ругается, это уже хороший признак,— сказал Том.

Студент склонился над избитым, огромным, бородатым молодчиком, который иронически уставился на него единственным глазом — другой был закрыт и сильно затек.

— Сейчас лучше?

— Ты француз, мальчишечка? — спросил бородач на своем родном языке.

Эд ответил утвердительно, и он продолжал:

— Ну ладно, теперь нас двое. Как же мне повезло, что я с вами встретился, а? Я уже понял, что бы со мной произошло! Мерзавцы меня раскрошили бы. Куда вы хотите меня отвезти?

Эд в нескольких словах разъяснил ему положение.

— Я уже участвовал в этих расовых делах, дрался,— сказал парень.— Это безумие — укрыться у негра, которого почти не знаешь. Может быть, там ловушка для дураков, дружок?

Эд холодно посмотрел на него.

— Может, и так, но у нас нет выбора, особенно в твоем состоянии. Тебя надо подлечить, старик. Конечно, если ты предпочитаешь другое, мы можем высадить тебя на краю дороги и оставить. Решай сам.

Молодчик выругался и замолк. Через несколько минут он сказал:

— О'кей! Меня звать Бартелеми, Барт для приятелей.

— Меня — Эд. Его — Том.

— Хэлло, Том,— сказал Барт.

— Хэлло, Барт,— сказал Том.— Ну как дела?

— Плохо,— ответил по-английски парень.— Как будто бы в мой костяк забрался медведь. А шкура горит, как у вареного омара.

— У меня есть чертовски хорошая мазь, замечательная для таких случаев,— сказал Том.— Погоди чуток, пока мы до дома доедем. Это уже не так далеко.

— Руководство всеми операциями возлагаю на вас, дети мои!

Барт откинулся на спину, задыхаясь. Они ехали между плантациями табака. Вдруг Барт закрыл глаза и начал смеяться.

— Дурацкая страна! — воскликнул Том. Он запел:

— Консул Франции, ах, ах!
Из города Атланта, ах, ах!
Обвел вокруг пальца полицейского. Хоп! Хоп!
Но тот об этом ничего не знает! Ничего! Ничего!

— Он полоумный,— сказал Барт.— Что он болтает, этот бедный малый? Солнце перегрело ему башку или еще что случилось?

Эд объяснил, о чем идет речь. Бородач слушал с видом знатока.

— Идея неплоха, но с полицейскими никогда не знаешь, чем дело кончится. Лучше всего молчать...

— Тебе часто приходилось с ними иметь дело?

Барт не ответил. Ему стало хуже. Он часто вздыхал, рука его судорожно прижималась к животу. Вскоре он снова потерял сознание. Когда немного позже Том и Эд раздели его, то увидели, что все тело Барта было покрыто кровоподтеками. Он был ко всему безразличен, дал уложить себя в кровать, и мать учителя долго растирала его знаменитой мазью, которую так восхвалял сын. Это была могучая, крупная женщина с робким взглядом.

— Я первый раз трогаю белого,— сказала она, мягко массируя тело Барта.

После того, как Барта заботливо перевязали, все ушли на веранду. Здесь меньше чувствовалась жара.

Отец Тома говорил о том, что пришли тяжелые времена. Казалось, старик сожалел о той поре, когда барьеры для цветных были более прочные, твердо установленные. Люди умели держаться на должном расстоянии, и столкновения были редки.

— Конечно,— говорил он,— я бы желал эмансипации своей расы, но хотел бы, чтоб это происходило более естественным путем, чтоб не было необходимости драться за это на каждом шагу.

Том говорил другое — по-видимому, это был уже давний спор о том, что им так просто ничего не предоставят, надо самим добиваться этого, если придется, и силой. Время залечит раны.

— Если мы перестанем требовать свои права, кто же проявит такую щедрость, чтоб нам их пожаловать? Никто!

И он говорил, что если бы не бунты, там и тут волновавшие страну, если бы не демонстрации за право совместного обучения в школе, за право записи в избирательные списки, президент не стал бы вносить законопроекты в парламент и сенат. Адди, сестра Тома, разделяла взгляды брата. Отец огорчался нетерпеливостью молодежи. Дети прерывали его, не соглашались с ним, молчаливо поддерживаемые матерью. В самом бурном моменте спора она прошептала певучим голосом:

— Просите и воздастся вам, ищите и обрящете, толцыте и отверзется.

— Аминь,— вздохнул отец.

И замолчал, побежденный.

— Аминь! — выкрикнул маленький Бинг

таким пронзительным голосом, что все сидевшие здесь рассмеялись.— Это говорит пастор, а пастор всегда прав.

— Что о нас думают во Франции?

— С сочувствием следят за вашей борьбой. Это весьма удобно,— наблюдая издалека, сохранять чистую совесть.

Француз — человек информированный. Он знает, что происходит на свете, не зря же существует телевидение. Картины вашей борьбы, эти собаки, эта ненависть, эти полицейские — все это французу прекрасно известно. И это его волнует. Он говорит: «Ну и американцы, что это за люди! А еще хотят учить других!» Его это возмущает, француза, по-настоящему возмущает. Если б он был тут, он бы, конечно, как-то действовал. Но что вы хотите, программа телепередач меняется, и он уже об этом не думает. Как все люди...

— Это ужасно — то, что вы говорите,— шепчет Адди.

— А что, по-вашему, он мог бы сделать?

— Я не знаю...

— В его оправдание следует сказать, что у него было много своих колониальных и расовых проблем. Сегодня он нуждается в покое.

— Но если все захотят покоя, мы останемся в одиночестве.

— В борьбе всегда остаешься одинок.

— Так это же несправедливо!

— Я уверен, что во время войны с Алжиром американцы тоже переживали маленький кризис добродетели до того, как повернуть рычажок телевизора.

Отец сделал усталый жест.

— Вы правы. Мы такие же, как все.

Наступило молчание. Адди фыркнула, встала и вышла в соседнюю комнату.

— Поставим пластинку. Это улучшит настроение.

В вечернем воздухе прозвучала труба, и молодая девушка вошла, пританцовывая и протягивая руки Эду, который с неловкостью поднялся. Он не мог танцевать в столь быстром темпе, с теми судорожными движениями, которые делала Адди, и все кругом смеялись и хлопали в такт руками. Эду казалось, что он смешон.

— Чему только вас в школе учат?

— Та, та, та! — напевала вся семья, а мать подтягивала во весь голос. Бинг принялся, как обезьянка, изображать Эда, и смех усилился. Потом темп музыки замедлился. Адди обняла за шею своего партнера и прильнула к нему. Бинг пригласил мать и вовлек ее в танце на середину комнаты. Он доходил ей лишь до талии, но неистовствовал, как бесенок.

— Это уже не для моих лет,— задыхалась мамаша, танцуя с мальчишкой и проявляя давнее умение.

Даже Том примкнул ко всей компании, танцуя со стулом. Адди все убыстряла темп танца.

— Бог мой,— прошептал ей на ухо Эд,— я же не из дерева...

— Сильно сомневаюсь, господин учитель, сильно сомневаюсь...

— Почему вы называете меня «господин учитель»?

— Том мне сказал, что вы решили посвятить себя преподаванию.

— Да, это так.

— Вам не мешает то, что я черная? Я первый раз в своей жизни танцую с белым. У белых есть свой танцзал, у нас — свой. Каждый со своими. Но вы-то европеец, это ведь не одно и то же.

— Однако я тоже белый.

— Между французом и парнем из Техаса такая же разница, как между коровой и ящерицей.

— Вы себя несколько вольно ведете сейчас. Вы это понимаете? Что могут подумать ваши родители?

— Ничего. Они очень довольны, что вы у нас в гостях.

— Оказать мне гостеприимство — это одно, а вот увидеть, как я крепко обнимаю их дочку,— это уже другое.

— Мы живем ближе к природе. У нас нет ложной стыдливости.

Она посмотрела на него с простодушным любопытством.

— Вы, учителя,— сказала она,— слишком много размышляете, задаете себе чересчур много вопросов. Вы, как Том, всегда у вас есть какие-то задние мысли.

Пластинка кончилась. Они отошли друг от друга. Бинг усадил мать, и та попросила детей помочь ей приготовить ужин. Эд остался сидеть на террасе с Томом и его отцом. Воздух был теплым, веяло запахом табака. Темнело. Перед террасой уходили вдаль до горизонта стройные линии посадок табака. На вопрос Эда старик подробно рассказал о новых методах выращивания этой культуры. Том разлил вино. Они мирно сидели, ожидая ужина. Радио сообщило, что волнения в Атланте улеглись, но что на завтра готовится новая демонстрация.

— Может быть, мне нужно будет пойти туда,— сказал Том.

Эд долго не мог заснуть. Разбудило его солнце. Он открыл глаза и увидел, что Барт, опираясь на локоть, с кровати наблюдает за ним, иронически улыбаясь.

— Как дела, дружок? — спросил бородач.

— Хорошо. А как ты?

— Превосходно. Немного разбит, конечно, но могло быть хуже после этакой потасовки. Вы хорошо меня подлечили — ты и твой угольщик.

— Он не угольщик, он учитель,— сказал Эд с раздражением.

— Я это слышал.

— А ты откуда тут взялся?

— Из разных мест и ниоткуда. Путешествую. Хочу посмотреть страну.

— Давно уже?

— Да, некоторое время.

— А куда ты направляешься?

— На юг.

— Я тоже. Мы могли бы...

— Да, господин, любящий спрашивать, могли бы...

Барт отбросил одеяло и встал во весь рост. Улыбаясь, он уставился на Эда.

— Иногда нуждаешься в ком-нибудь более слабом, чем ты сам, так бывает,— сказал он.— Ты крепко вчера дрался, комар. Что бы от меня осталось, если бы я был один, когда трое навалились? Погляди-ка на меня — эти синяки не похожи на подарки.

Он принялся показывать все свои ссадины.

Эд рассказал Барту, как его лечили растиранием чудодейственной мази.

— Меня массировали повсюду, да?

— Да.

— Даже здесь?— И он указал на кровоподтек в паху.

— И здесь тоже.

— Господи,— воскликнул, смеясь, толстяк,— теперь у меня ни от кого нет секретов!

— Нет, конечно. Твоя мускулатура была единодушно одобрена всей семьей.

Эд засмеялся.

— В общем,— сказал Барт,— эти негры — храбрые глупцы.

— Смелые люди,— поправил его Эд.

— Если ты так хочешь, дружок, если ты так хочешь.

Барт подошел к окну, многозначительно свистнул и вернулся.

— А ты мне ничего не сказал об этом маленьком, хорошеньком скелетике.

Эд взглянул в окно. Неподалеку Адди развешивала белье на веревке, протянутой меж двух деревьев.

— Это Адди,— сказал Эд.

Он почувствовал, что краснеет.

Барт покачал головой.

— Прелестный кусочек.

— Это дочка человека, который приютил тебя.

— Ну и что?

— Ничего.

— Старина,— сказал Барт,— в подобных случаях я привык рассуждать так: ты мне нравишься, я тебе нравлюсь, мы друг другу нравимся,— давай переспим. Вот я какой. Без сложностей...

— Не крутись около Адди,— сказал Эд.— Если она и достанется кому-нибудь, то мне. Я вчера с ней танцевал...

Он замолчал. Барт усмехнулся.

— Ты мне кажешься чувствительным, а?

— Ну и что?

— Да то, что чувствительные редко бывают в выигрыше.

— Это зависит от того, что ты хочешь выиграть, и еще зависит от цены, которую ты готов уплатить за победу.

— Посмотрите-ка на этого хитреца,— отбил толстяк,— все это лишь большие слова.

Эд пристально посмотрел в глаза Барту. Тот не моргнул даже.

— Не знаю, долго ли мы проживем с тобой в согласии.— Эд колебался.— Когда я только что говорил, что, может быть, нам следует отправиться дальше вместе, я, вероятно, несколько поторопился...

— Не говори так, комар, я чувствую, что уже люблю тебя, как брата.

Он обхватил студента, прижал его к своему могучему телу и шумно расцеловал.

— Два француза встречаются в Соединенных Штатах,— воскликнул Барт,— разве этого недостаточно, чтоб помогать друг другу? Поди ко мне, комар! Я толстый, я выражаюсь грубо, но, в сущности, я простосердечный человек, поверь мне.

Эд не мог удержаться и засмеялся.

— Ну, если хочешь доказать это, то оставь Адди в покое. Может быть, я тебе и поверю.

— Слушаюсь, шеф. Дама ваша.

Они все еще стояли у окна. Молодая девушка входила с бельевой корзинкой. Она заметила их.

— Хэлло! — крикнула Адди.

— Хэлло!— хором ответили они.

— Хорошо выспались?

— Чудесно.

— Тогда идите завтракать.

Они быстро приняли душ и вышли на веранду, где вся семья уже сидела за столом. Их очень приветливо встретили, спросили, как чувствует себя Барт, и принялись угощать маисовой кашей.

— Как ваши синяки? — спросила Барта хозяйка дома.

— После вашей чудодейственной мази они исчезают удивительно быстро.

— Чудеса бывают только на небесах,— вставил старик,— но есть и хорошие мази.

— Господин учитель хорошо спал? — насмешливо спросила Адди.

— Господин учитель? Какой учитель? — спросил бородач.

— Эд. А разве вы этого не знали?

— Эд — учитель? Ох! Мое почтение, академик! Стало быть, мою жизнь спас университет? Рядом с Томом и Эдом мне придется нелегко.

— Трудно думать, что где-нибудь вам бывает нелегко.

На дороге показался Бинг, бегущий к дому.

— Том, Том, Слим хочет с тобой поговорить!

Все замолчали. Мать глубоко вздохнула, глядя на старшего сына.

— Тебе кажется, что ты еще мало сделал?

Молодой человек не ответил. Отец его отвернулся. Глаза Адди стали грустными. Высокий и худой негр въехал на велосипеде в их маленький двор. Он поставил машину у изгороди и вошел в дом. Увидев сидевших за столом белых, он отшатнулся.

— Это друзья,— сказал Том.

— Ах! Ну... Хэлло,— растерянно начал Слим.— Я...

— Ты хочешь кофе, мальчик? — спросила мать.

— Не откажусь, мэм.

Он сел, очень серьезный, и стал пристально рассматривать толстого Барта и его кровоподтеки.

— Банда Биза в наших краях,— вдруг сказал он.

— Угрюмого Биза?

— Да.

— Все понятно,— ответил Том.

— И мне,— вздохнул Барт.— Значит, это была банда Биза?

Слим маленькими глотками пил кофе. Вся семья на него смотрела. Он смущенно поднялся.

— Я очень занят сегодня.

— Всегда на работе? — спросил старик.

— Да, всегда,— ответил тот коротко.

— Ты увезешь Тома в Атланту? — крикнул пронзительным голосом маленький Бинг.

Слим раздраженно взглянул на него и поставил свою чашку.

— Ты проводишь меня немного? — Том встал.— До свидания. Спасибо.

Молодые люди удалились. Издалека было видно, как они разговаривали, оживленно и бурно жестикулировали. Все молчаливо следили за ними. Слим с силой хлопал рукой по раме велосипеда, как бы подчеркивая какие-то свои доводы. Том как будто бы не соглашался с ним.

Эд смотрел на Барта. Толстяк, абсолютно безразличный к тому, что происходило, не сводил глаз с Адди.

Она вертела в пустой чашке ложечкой, не обращая на него внимания.

Слим наконец сел на велосипед и куда-то отправился. Том вернулся на террасу.

— Это снова начнется сегодня. Будет много людей.

Он вошел в дом.

— Ты идешь туда? — крикнула мать.

Сын ответил жестом: конечно.

Отец заявил, что из всех этих волнений ничего хорошего не получится. Демонстрации только ожесточат власти, и станет еще хуже. Разве власти когда-нибудь уступают силе?

— Однако именно наши демонстрации заставили открыть неграм вход к Никольсу,— сказала Адди.

Никольсу принадлежал шикарный ресторан в Атланте, который был открыт только для белых. После пятидесяти демонстраций дирекция ресторана согласилась впускать цветных.

— Я ужинала у Никольса,— добавила с гордостью девушка, после того как рассказала подробно об этой истории.

— Там хорошая еда? — спросил Барт.— Чем этот ресторан отличается от других?

Старик улыбнулся. Адди этот вопрос просто шокировал.

— Он смеется,— прошептал Эд.— Он любит пошутить...

— Тут не над чем смеяться,— сказала Адди.

Барт повернулся к Эду.

— А мы что будем делать? — сказал он по-французски.

— Право... — начал студент.

— Отправимся на юг или как?

— Надо посмотреть. Я...

— В чем дело?

— Я не знаю, не знаю... Мы только что узнали этих людей, и уже надо расставаться...

— Людей! Чудесная история! — Толстяк воздел руки к небу.— Добро, если б мы попали к какому-нибудь богачу с бассейном и всякими штуками, я бы охотно растянул удовольствие. Конечно! Но знаешь ли, терять время с негритянской семьей... это уже не так забавно!

— Ты против негров?

— Я? Да вовсе нет. Мне наплевать. Все эти расовые распри меня не интересуют.

Адди взволновалась.

— О чем он говорил?

— О нашем отъезде. Нам ведь надо ехать до самой Калифорнии.

— Так вы же не торопитесь? Правда, мама?

Улыбающаяся мать поддержала ее.

— Побудьте еще здесь. Нам приятно, что вы гостите у нас...

— Оставайтесь! Оставайтесь! — кричал Бинг, цепляясь за ноги Барта.

— Ну, — воскликнул тот, — что еще за история? Мне хочется на воздух...

— Говори лучше по-английски, это будет вежливей, — сказал Эд.

— Эд — человек чувствительный, — заявил Барт — Он не хочет уезжать.

— Он прав.

Том вышел из дома. Обнял отца, мать, потом обратился к обоим французам:

— До вечера.

И пошел к своей машине.

Мать стремительно встала и побежала к нему. Быстрым жестом она засунула руку в его карман и вытащила оттуда нож. Том выглядел огорченным.

— Послушай, мама...

Мать обожгла его взглядом.

— Не хочу ничего слушать. Ты знаешь, чего это тебе будет стоить? Цену ножа знаешь?

— Но, мама...

— Вспомни Эльвина!

— Эльвин был очень славный парень, — быстро объяснила Адди. — Однажды он участвовал в демонстрации, и у него был в кармане нож. Он и не думал им воспользоваться до тех пор, пока, выведенный из себя зверскими действиями одного полицейского, не вонзил в сердце ему этот нож. Он, Эльвин, не собирался этого делать и никогда бы не сделал, не окажись у него оружия под рукой. Его тут же линчевали. Там он и остался. Горе!..

Том наклонил голову. Мать на мгновение положила ему на лоб свою руку.

— Иди, сын.

Он молча сел в свою машину.

Барт крикнул:

— Обожди!

— Зачем?

— Мы поедем с тобой.

— Это ведь не на пикник. — Он поколебался и добавил без энтузиазма: — О'кей! Садитесь.

— А я? — крикнула Адди. — Я тоже хочу поехать.

— Ты?

— Да.

Но родители воспротивились.

— Не может быть и речи, — сказал отец.

— Это дело не для девушек, — проворчала мать.

— А Соня, конечно, пошла. Ей столько же лет, как и мне.

— Это касается ее и ее родителей.

— Слушай, Адди, — сказал Том, — ты уже была и будешь опять когда-нибудь там. Но сегодня, может, лучше не ехать. Полиция после вчерашнего дня так ожесточена... Они будут злыми, свирепыми, наверно. Слишком много риска.

— Ну и что? Я буду около тебя, никуда не уйду, обещаю.

Том покачал головой.

— Нет, ты меня просто свяжешь.

Он поторопил французов:

— Поехали! Не будем терять времени...

Они сели в машину и помчались по пыльной дороге. Адди сдерживала слезы.

— Иди, дочка, вымой посуду, — сказала мать.

Перевели с французского Ю. Жуков и Р. Измайлова.

Окончание следует.

„ОГОНЬК

ТЕПЛЫЕ ПРИВЕТЫ ИЗ СТУДЕНЫХ КРАЕВ

ИЗ МИРНОГО: — Подводим итог трудовых дел. Позади — организация тринадцатой советской антарктической экспедиции. Успешно закончены полеты на станцию Восток — полюс холода, а также перелеты между другими нашими станциями. Совершен переход по антарктическому леднику по маршруту Мирный — Восток — Мирный.

С гордостью отмечаем: к обсерватории Мирный, к станциям Восток, Молодежная, Новолазаревская прибавилась еще одна, пятая советская станция, открытая недавно на острове Ватерлоо, она названа именем Беллинсгаузена.

Просим передать читателям «Огонька», всем советским людям, нашим дорогим согражданам, землякам горячий антарктический привет.

В. ШАМОНТЬЕВ, заместитель начальника экспедиции

С УЭЛЕНА: — У нас, работников полярной станции Уэлен, в эти дни своеобразная страда — скоро откроется навигация. Работа идет весело. Стоят погожие весенние дни. Это после очень сильных морозов. Готовимся к Первомаю — мы одни из первых на советской земле будем встречать праздник весны...

П. ТИМОФЕЕВ, начальник полярной станции

Меня зовут Майя...

Майя... звезда... четвертая по блеску в скоплении Плеяды.
БСЭ, том 26, стр. 86.

Мы едем по московской улице, мимо кафе «Майское»; мы торопимся на свидание — оно предстоит на Первомайской улице. Машина тормозит возле группы девушек. Подходим, представляемся. И в ответ:

— Майя... Майя... Майя... Шесть девушек — все тезки.

— Нравится ли вам ваше имя и почему?

— Конечно, нравится! Май — это весна, это самое светлое время года, — сказала инженер Майя Шувалова.

— Май — пятый месяц года. Студенты — суеверный народ. Не любят всего, что относится к цифре 13, и обожают пятерки в любом варианте. И пятый месяц, конечно, не исключение, — сказала студентка Майя Орешкина.

— Полностью согласна, — засмеялась школьница Майя Калганова.

— Если уж говорить о суевериях, то мне, пожалуй, труднее других. Кое-кто, путая имя Майя со словом «маяться», трусит идти ко мне на прием. Хотя обычно после посещения зубного врача и перестают маяться, — заметила зубной врач Майя Медведь.

— Уж кто мается в мае, так это я... Точнее — в канун мая. Такая работа — парикмахер. Но я свое имя люблю, как и профессию, — призналась Майя Ташлицкая.

— Прочь ассоциации, суеверия и все подобное! Отличное имя Майя! Прекрасный месяц май! Смотрите, сколько праздников — Первомай, День Победы, День печати, День радио, Дни пограничника и химика, — утверждает комсомольский работник Майя Колосова...

Вот что ответили Майи на вопрос корреспондентов «Огонька». Шесть Май, которых вы видите на этом снимке, шесть звездочек московского небосклона, шесть приятных собеседниц.

Фото Д. Ухтомского.

Подарки к празднику

СКАЗКА ВЛАДИМИРА СОКОЛА

Уже много вечеров подряд видят ее в окне одного из домов новосибирского Академгородка, и каждый пытается угадать: кто она, отчего у нее такое загадочное и всякий раз одинаковое выражение глаз? Может, Золушка? Сказочная Василиса Прекрасная? Никто этого не знал, и всякий раз, как только затухал где-то за Обским морем последний луч заката, девушка пропадала. Но однажды...

Однажды, уже поздним вечером, окна ярко засветились, и в них снова возникла незнакомка. И вдруг исчезло очарование сказки: красавица оказалась вырезанной на большом деревянном щите. Главный сказочник, художник Владимир Сокол, рассказал о своей загадочной работе:

— Когда после многих лет отсутствия я снова попал в родные края, поразился: Сибирь стала богаче, преобразилась. Об этом мне захотелось рассказать. Поиски правильного решения темы затянулись чуть ли не на три года. Десятки вариантов были отвергнуты, чтобы найти вот этот. Моя работа называется «Наука и богатство Сибири». Материал — дерево. Размер панно — 102 квадратных метра. Центральная часть символически выражает развитие русской науки — от Ломоносова до наших дней. Девушка? Нет, конечно, не Золушка. Скорее символ молодости Сибири...

Ю. ЛУШИН, собкор «Огонька»

На снимке: центральная часть панно.

МАЙСКИЙ ПРОСЕК

Есть переулки, вся длина которых — считанные метры. Есть проспекты-гиганты. Есть, наконец, просек, известный москвичам не длиной своей, не какими-то особо примечательными постройками, а тем...

— Здесь начинается московская весна,— утверждает студентка Влада Остахова. Ее институт — неподалеку от парка, и, кажется, не одна Влада встречает тут весну.

...Просек этот в Сокольниках. Первые шаги весны тут очень отчетливы и лиричны — и в шорохе кустарника и в робких еще побегах цветочной рассады. В Сокольническом парке ежегодно высаживается около миллиона цветов — немало их украшает и Майский просек, начинающийся аркой.

Майский просек вливается в оживленный Сокольнический круг, в самый центр парка, туда, где гранит и мрамор мемориальной стелы напоминает о том, что Владимир Ильич Ленин выступал на территории парка — на митингах трудящихся Сокольнического района; это было в июне и августе 1918 года.

А еще раньше тут проходили те, кто собирался в Сокольники на первые маевки.

...Сегодня Майский просек — одна из главных аллей Сокольнического парка. Неподалеку — танцевальная веранда и большой читальный зал, ресторан «Прага», а в считанных десятках метров, за зеленью рощи, встали стеклянные кристаллы павильонов крупнейшего международного выставочного городка.

Много видел и видит Майский просек, много знает эта весенняя магистраль.

К. КОСТИН

На снимке: здесь проходит Майский просек.

Фото автора.

Мир веселых игрушек

Производство это началось немногим более десяти лет назад, незадолго до молодежного фестиваля,— с той поры в программу цеха и пришла такая вот праздничная, звонкая продукция, без которой не обходится ни один студенческий вечер, ни одна майская демонстрация, ни один карнавал. Цех Московского комбината бумажных изделий, где делают веселую всякую всячину, так и называется — цех карнавальной игрушки. В его программе — изделия ста пятидесяти наименований.

Многие игрушки пришли сюда из русских сказок; художники умело используют традиционные сюжеты. Вносит и поправки, продиктованные временем. Скажем, изображение ковра-самолета теперь чаще заменяется рисунком современного реактивного лайнера. А незатейливая, но тем не менее занимательная и ходкая, говорливая игрушка, которую десятки лет все называли, называют и будут называть «тёщин язык», теперь именуется в духе века — «динамической».

К слову, об этом «языке». Много было мороки с его изготовлением; и свернуть потребно, и склеить, и настроить должным образом. И все вручную. Около 420 тысяч «языков» в год. Совсем недавно начала работать машина, придуманная работником цеха Сергеем Романовичем Федяевым. Она не только ловко, но и быстро собирает динамические игрушки и позволяет увеличить производство их в три раза.

Спрос на веселую продукцию растет от праздника к празднику: в прошлом году торговля дала заказ примерно на полтора миллиона рублей, в нынешнем — почти на два миллиона. Это немало, если учесть, что средняя стоимость каждого изделия — около шести копеек.

К. БАРЫКИН

На снимке: работницы цеха карнавальных игрушек Р. Туктарова и Н. Шумал.

Фото К. Каспиева.

«НИНА», «ПАМИР» И ДРУГИЕ

Галина Никитична Ещенко возглавляет Дарницкий шелковый комбинат. Если бы ткани, что выпускаются здесь за один только день, развернуть, вышла бы пестрая дорожка длиной в 150 километров. Мы спросили Галину Никитичну, что подготовили ткачихи Дарницы к Первомаю.

— Уже изготовлены яркие набивные ткани из триацетатного шелка «Лесная песня»,— ответила директор комбината.— Еще одна новинка, «Оксана» — материал ярких тонов, сочных красок. Хороша и жаккардовая ткань «Нина» — для вечерних нарядов. Между прочим, мы ее назвали «Нина» по имени одной из лучших ткачих нашего комбината, Нины Давлетшиной.

— А для мужчин?

— Пожалуйста. «Памир». Снежно-белая, имитирующая трикотаж ткань для красивых мужских сорочек.

А. СТАСЬ, собкор «Огонька»

ТРАМВАЯ ИДЕТ К МОРЮ...

...И выйдут тбилисцы на конечной станции метро «Дидубэ» и пересядут в трамвай — в руках пляжные сумки, наскоро сложенные надувные матрацы. И покатит трамвай по рельсам. И будет дзынькать сначала по старым улицам, а потом по совсем молодым, пока еще только строящегося большого поселка электровозостроителей. За поселком, по ту сторону высокой насыпи, блещут волны водохранилища — Тбилисское море.

К Первомаю трамвай пойдет к морю! Для сухопутного Тбилиси это приятная первомайская новость. Тбилисское море со всеми его пляжами и лодочными станциями существует более десяти лет, но добраться до него было очень трудно. Трамвай разрешает эту проблему. И еще одну, свою, личную: теснимый с центральных городских улиц, старик нашел себе очень полезное занятие.

И. СЕМЕНОВА

АРОМАТ СЕВЕРНОЙ ВЕСНЫ

Парфюмерный набор так и поименован — «Май». Просто май...

— В этом названии — прозрачность и привлекательность мая, его всегдашняя новизна,— сказали корреспонденту «Огонька» на парфюмерной фабрике «Северное сияние».— «Заглавие» определило композицию вошедших в набор духов и одеколонов, продиктовало и оформление коробки; на светлом фоне — березки и много-много зелени.

Создатель парфюмерного «Мая» Вера Александровна Лакоткина постаралась привнести в набор качества, которые, как представляется, наиболее точно характеризуют именно северный май, северную весну — с ее свежим, тонким ароматом пробудившейся зелени, в который, пока еще робко, вплетается аромат первых весенних цветов.

К майским праздникам парфюмеры приготовили около 15 тысяч наборов «Май» плюс 50 тысяч флаконов духов «Май».

К. ТАНИН

МНОГОЦВЕТЬЕ

Мордовская фирма «Светотехника» к Первомаю приготовила в буквальном смысле слова светлые подарки. В Саранске начат выпуск многоцветных и кольцевых люминесцентных ламп.

Саранский свет вспыхнет и в праздничной иллюминации. И будет он не только привычно белым, но и синим, красным, желтым, зеленым, голубым. Все цвета радуги...

В. РЫБИН

Фото автора.

Карина в Рустави со своей семьей.
Фото Г. Хамашуридзе.

КАРИНА ИЗ РУСТАВИ

Ия МЕСХИ

Та самая Карина, по поводу рождения которой существует известная запись в судовом журнале парохода «Челюскин», живет сейчас на 41-м градусе северной широты и 45-м градусе восточной долготы. Появилась тихая пристань и два крепких якоречка, одного из коих зовут Дато, другого — Алéно.

Дато — вполне самостоятельный мужчина, сам отправляется в школу во вторую смену, забирая ключ от квартиры в карман. Возвращаясь, сидит дома в ожидании своих.

Иногда они приходят вместе: папа и мама. Это бывает в тех случаях, когда в мамин автобус, отправляющийся от ворот Руставского химкомбината, вскакивает через несколько остановок папа Ломери, с руставского завода «Химволокно». Автобус вообще-то «химический» (такая у него трасса), и, когда к химкомбинатовцам, успевающим занять сидячие места, прибавляются химволоконщики — этим уже приходится стоять,— тотчас образуется «смесь», возникают «бурные реакции». Волоконщики кричат о якобы не очень-то хорошем капролактаме, который дает им химкомбинат. А те бранят завод «Химволокно» за то, что там якобы губят их ни с чем не сравнимое, великолепное сырье. При этом Карина от имени центральной комбинатской лаборатории, в которой она работает инженером, бросает иронические, уничтожающие реплики. А Ломери, патриот «Химволокна», отражает их.

Вот так, ожесточенно спорящими, сходят они с автобуса за одну остановку от дома, чтобы забрать из детского сада Алéно. Но на долю Дато остаются лишь слабые отголоски недавних баталий. Даже не остается ничего. Некогда. Все дружно устремляются в семейный камбуз.

Наверно, все обычно, как и на других широтах, в любой другой молодой работящей семье. А рассказывается о ней потому, что когда-то все мы, советские люди, всей страной очень любили Карину. Не счесть, сколько народу перетаскало ее тогда на своих руках, сколько пылких пожеланий высказывалось в ее адрес! Вспомним, как это было.

Сперва из далекого Карского моря донеслась до нас весть о том, что сия особа появилась на свет. Прямо в море, на пароходе. 31 августа 1933 года судовой журнал «Челюскина» зафиксировал: «...в 5 часов 30 минут утра у едущих на зимовку на остров Врангеля супругов Васильевых родился ребенок — девочка — в исчислимой широте 75 градусов 46 минут норд и долготе 91 градус 06 минут ост...»

Можно себе представить, что творилось на пароходе! Объявили конкурс имен. Прошло предложение Отто Юльевича Шмидта: в честь Карского моря назвать Кариной. Острили: Дора Васильева — молодчина, что разрешилась до моря Лаптевых...

Пять с половиной месяцев путешествовала Карина по Северному морскому пути. К острову Врангеля подойти так и не удалось: не пустили льды. А потом случилось несчастье — «Челюскина» затерли ледяные торосы и распороли его. Он затонул. Люди спаслись. Карину тоже благополучно спустили на лед. И началась тревога.

Отец Карины Василий Гаврилович Васильев — сейчас он преподает астрономию в Высшем инженерном морском училище имени адмирала Макарова в Ленинграде — вспоминает, какой тяжкой была на льдине первая ночь. Каринушка проголодалась, а кормить ее грудью на тридцатиградусном морозе из-за неудобного покроя малицы жена не могла. К утру Карина уже не плакала, а только хрипела, а затем и хрипеть перестала.

Все же малышку спасли. Всем «Ледовым лагерем Шмидта» принимали меры, чтоб Карина выжила. А мы на Большой земле волновались: что там сейчас, в далеком Чукотском море?

Через месяц на льдину прорвался первый летчик — Анатолий Ляпидевский. Вы помните, что именно в связи с этим и последующими спасательными полетами других летчиков на льдину в стране появилась высшая степень отличия — звание Героя Советского Союза? Анатолий Ляпидевский — обладатель Золотой Звезды № 1. Вот в его руки и передал капитан «Челюскина» Владимир Иванович Воронин сверток с Кариной: «Принимай путешественницу!..»

Владивостокский меридиан стал для Карины первым земным меридианом. Специальный поезд промчал челюскинцев через всю страну в Москву. На каждой остановке — а их было 160! — Карину тискали и мяли тысячи рук. В Москве ее нежно принял Алексей Максимович Горький, осторожно прижал к себе, расчувствовался очень...

Ну вот, пожалуй, и все. Кончилось необычное. Началась обычная жизнь. Но так ли уж обычно сложилась она? Не прошло и десяти лет, как из обледенелого блокированного Ленинграда Карине пришлось отправиться в Сибирь. Снова девочка почувствовала горячее дыхание всей страны, добрые руки друзей. Тогда она только начинала бегать в школу. Было это где-то в поселке под Красноярском, на берегу Енисея, где снега и снега...

А вот еще широты и долготы. И высоты. Окончен Ленинградский университет. Карина едет по распределению во Фрунзе. Она геолог. Непрерывные экспедиции, и всё на север республики. Хребты Кокшаал, Улан-кол, Нарын-тау. Высота три с половиной — четыре тысячи над уровнем моря, в том числе и Карского... С утра до вечера она в седле. Непогоды и снежные бури. Горные ледники. Так пять лет. Но именно в эти полные опасностей и риска годы Карина встретила в горах Киргизии такого же путешественника и непоседу, выпускника Тбилисского университета Ломери Микеладзе и соединила с ним свою жизнь.

Теперь новые координаты, новый, славный рабочий городок Рустави, в котором живут металлурги и химики. Новая профессия физика-химика, которую Карина успела освоить и полюбить за то, что в ней тоже много поисков, исследований. Новые близкие и друзья. Новый язык, на котором Карина понемножку начинает говорить... И ни одной льдинки! Даже из водосточной трубы! Солнце и солнце. Масса горячего, жгучего солнца.

Руставские дети приходят к ней и просят: «Расскажите, как все там было». Посвящают ей стихи.

...В тридцатых годах владивостокская комсомолка Дора Исайченко поехала по комсомольской путевке в самую глубь Чукотки просвещать оленеводов. Там она встретилась с ленинградским геодезистом Василием Васильевым. В пятидесятых годах их дочь Карина Васильевна нашла своего Ломери в отрогах Тянь-Шаня. Вылетят и руставские девочки и мальчики из своих гнезд и полетят туда, куда попросит Родина. А счастье само найдется.

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

Увидите!

Быть может, вспомнив о весне,
Иль просто по наитию
Пичуга на седой сосне
Воскликнула:
— Увидите!
А на земле мороз стоял
И снегоочистители.

— Увижу что? — спросила я.
Пичуга мне:
— Увидите!

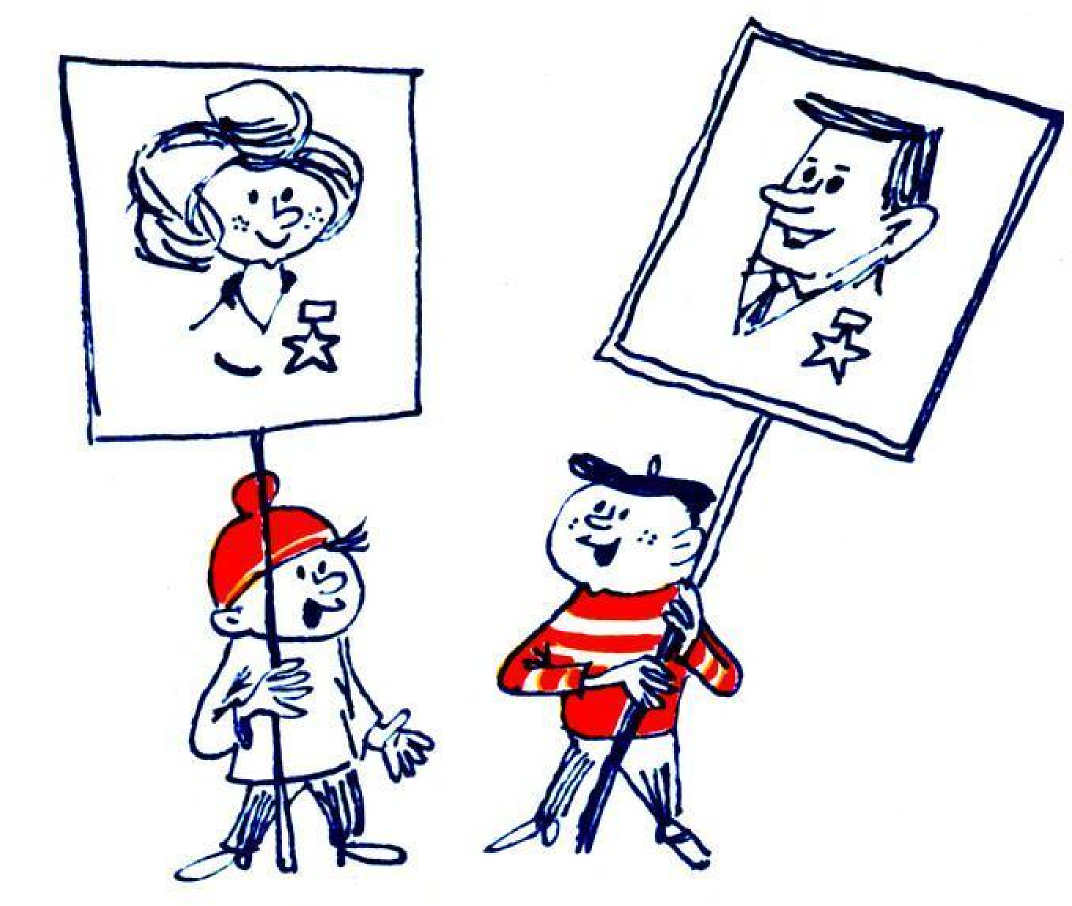
Так бодро, вовсе не боясь,
Что ветка не укрытие,
Что у самой не трубный глас,
А песенка
«Увидите!»

Сказала я:
— Лишь холода
У вас в лесной обители.
Тут впору каркать: «Никогда»,—
А вы свое: «Увидите!»
Откуда оптимизм такой?
Но гордо, как открытие,
Рассветом, радугой, строкой,
Симфонией:
— Увидите!

Весна...

— А мы туристы-дикари.

— Ты с кем ходил на демонстрацию?
— С папой.
— А я с мамой.

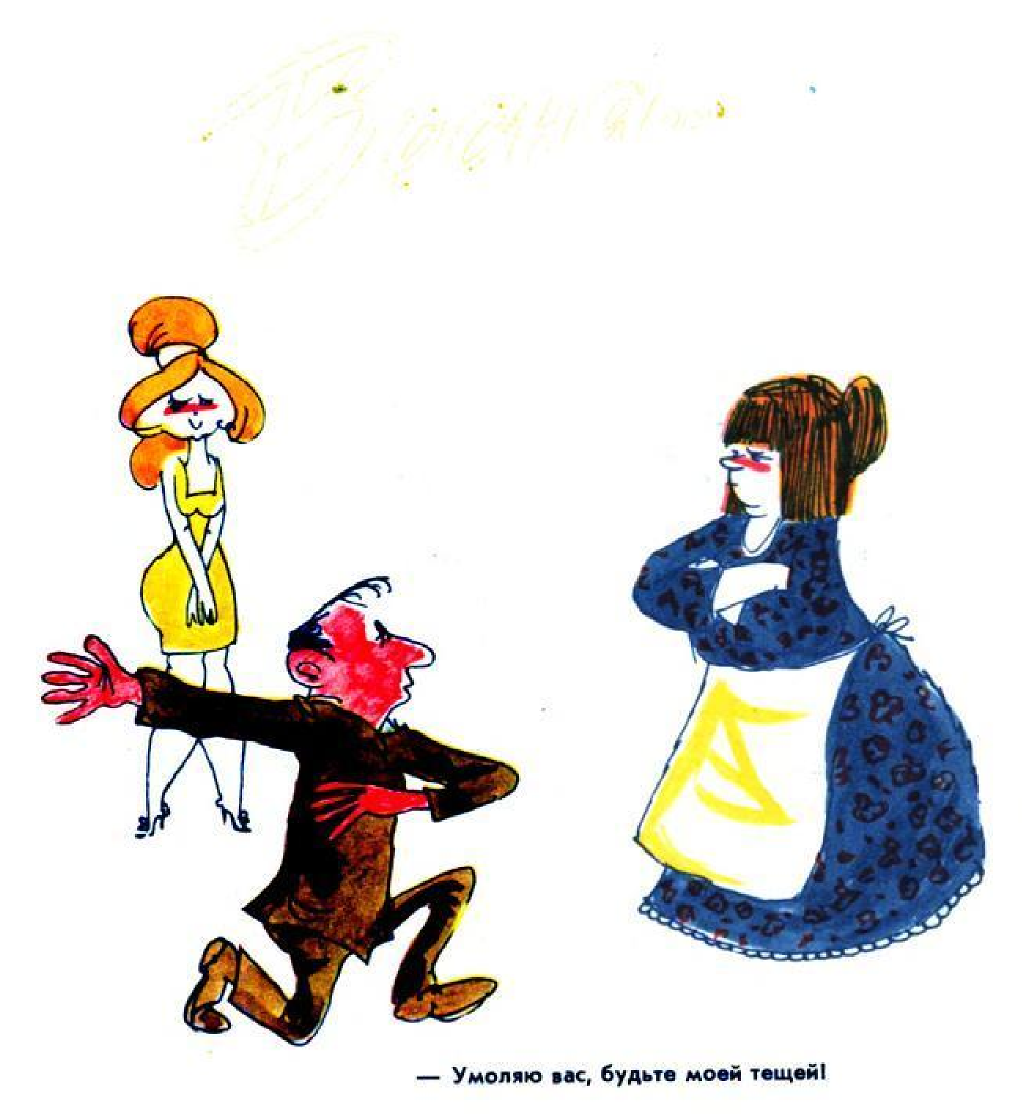
— Так вот почему ты до женитьбы скрывал свою профессию!

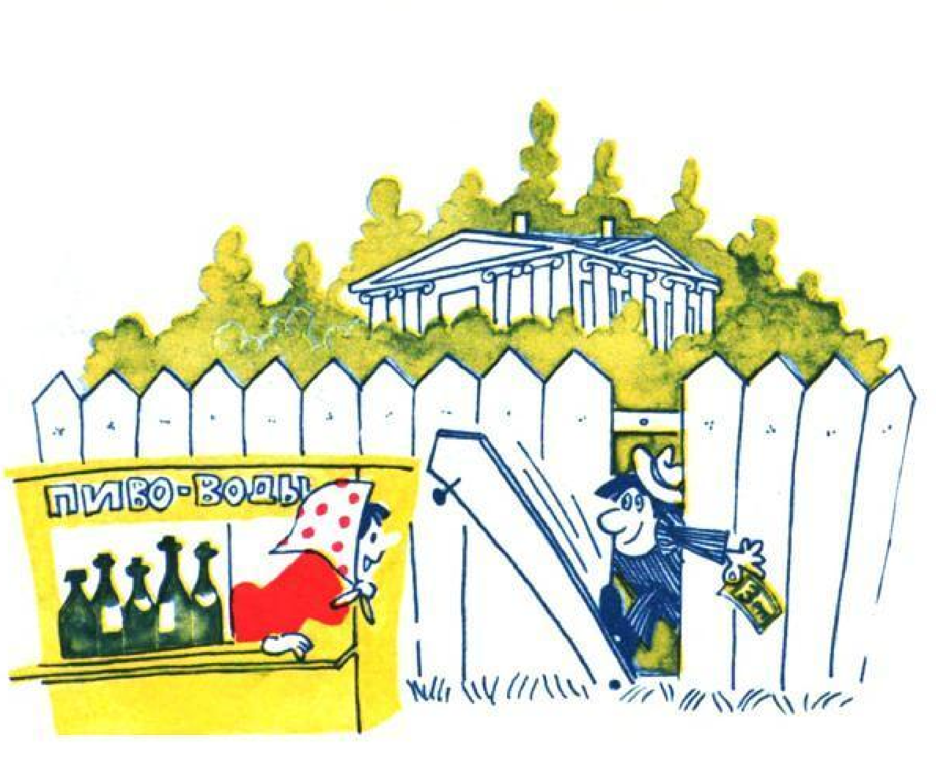
— Приятель, вставай, берлога уже растаяла!

— Петров, не увлекайся!

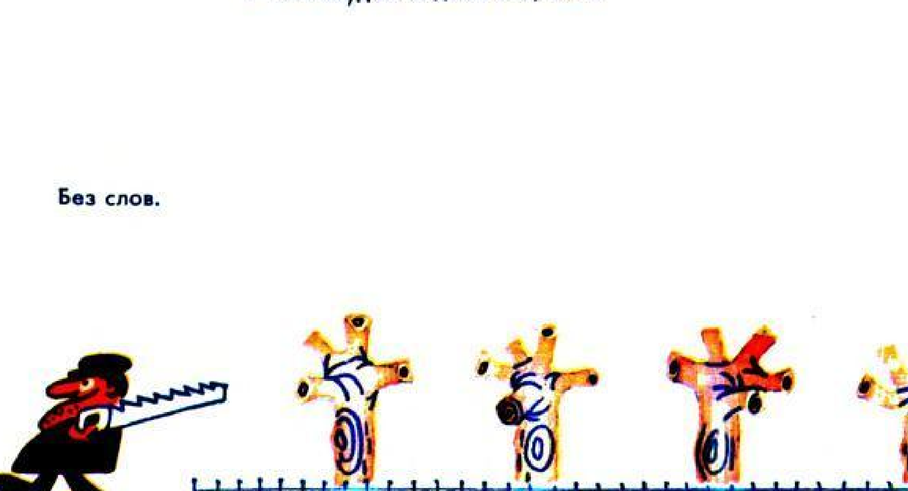

— Умоляю вас, будьте моей тещей!

— Никак, дом отдыха открылся?

Без слов.

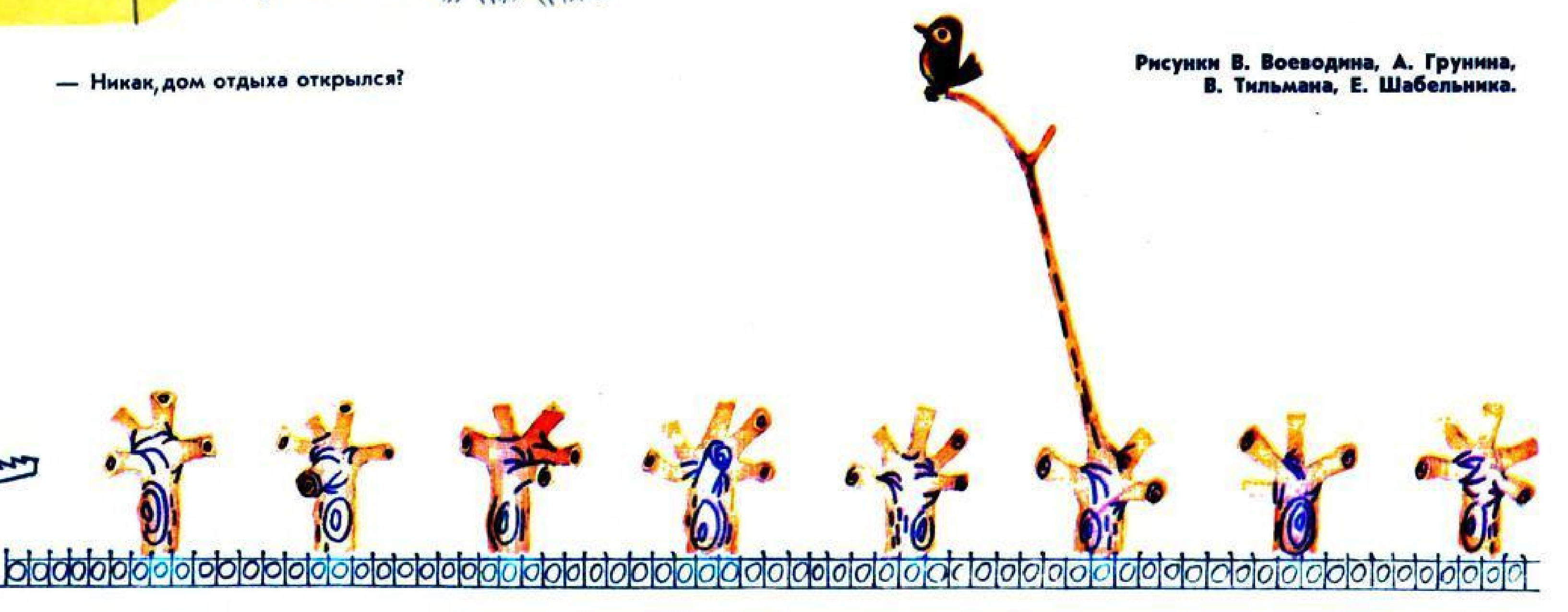

Без слов.

Без слов.

Рисунки В. Воеводина, А. Грунина, В. Тильмана, Е. Шабельника.

Это репортаж о празднике весны в местах, где еще бушуют метели...

Когда идет праздник, тогда и олень — трибуна.

Солнечные затайки

Юрий СБИТНЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Товарищи в редакции говорили мне:

— И куда ты собрался? Май на носу, а ты на север. Снег, морозы, зима... Лежать твоему репортажу в столе редактора до морковниных заговен, то есть до будущей зимы. Кому это сейчас надо?

Командировку подписали. Я лечу на север Иркутской области, в Катангский район, в его «столицу» — Ербогачён. Лечу потому, что там весна, своя, северная. С морозами, с последними белыми-белыми метелями, с голубыми лунками от капели, которые зовутся в народе солнечными затайками, с веселым перезвоном синиц в мохнатых лапах тайги, с солнцем, которое куда жарче нашего московского — пробежал на оленьей упряжке рекою день-другой, и на лице загар покрепче сочинского. И еще лечу я на Праздник Весны — Праздник Охотника и Оленевода.

Несколько слов о доброй традиции, бытующей вот уже многие годы в Катангском районе. Ежегодно с первым, еще очень робким движением весеннего ветра слетаются и съезжаются в районный центр из тайги, с промысловых угодий, из далеких стойбищ и сел на оленьих упряжках, русских тройках, на «антонах» и «яках» охотники и оленеводы. Шумно в Ербогачёне, людно. В общем-то небольшое северное село, широко раскинувшееся по-над берегом Тунгуски, в несколько дней становится одним из самых населенных в Иркутской области.

За плечами людей — трудные месяцы большой работы: зимний сезон промысла. В эти дни охотники сдают пушнину: золотой колонок, серебристая белка, горностай, лиса и красавец таежный лорд-соболь ложатся на прилавки приемного пункта. Нынешняя зима в тайге урожайная. Охотники-катангчане только сверх плана сдали государству пушнины на 53 тысячи рублей. Удачный год. Значит, будет веселым, по-доброму шумным традиционный Праздник Весны. И он начинается.

...Раннее утро. Солнце выплеснулось из черной глыби тайги, затопило все вокруг ярким золотым светом. Дня два подряд жарило так, что на улицах села растеклись разливанные лужи — ни объехать, ни обойти. Из тайги, что вплотную подступила к домам, бражно дыхнуло разогретыми смолами, теплой хвоей и запахом просыпающихся почек. Устроители праздника сокрушались. И куда так жарит! Солнцу не прикажешь: сорвет праздник. А ночью как будто бы специально лег на тайгу, на село, на Тунгуску глубокий празднично-белый снег...

Перезвоны стоят над Ербогачёном. К широкому полю аэропорта спешат тройки: одна, другая, третья... Лентами перевиты цветастые крашеные дуги, ленты вплетены и в гривы коней, поблескивают начищенными бляшками упряжки, играют свое звонкое бубенцы, искусно, с каким-то строгим изяществом украшены санки-лёточки. Люди в праздничных нарядах. Ряженые веселят народ. И уж, конечно, пляшут в руках парней, выламывая им плечи, тальянки-трехрядки. На одеждах русские узоры чередуются с эвенкийскими. Красное, голубое, синее, зеленое... Весенние цвета. Улыбки. Не уступают по красоте убора тройкам оленьи упряжки. Эвенки охотники-оленеводы в национальных одеждах.

И вот уже мчится вдоль широкой улицы по всему селу санный поезд. Звенят бубенчики под дугой, перекликаются друг с другом колокольцы на шеях оленей, пляшут в руках парней тальянки. Летит вперед, обгоняя коней и оленей, веселая песня весны.

Один из моих товарищей-писателей как-то сетовал в очерке на то, что прекрасная народная русская игра «Взятие снежного городка», многие годы бытовавшая в Сибири, навсегда утрачена и никогда уже не удастся увидеть брызжущую радостью, смехом лихую потасовку пеших с врывающимся в снежный город всадником.

...Конь роняет с губ рыхлые клочья снега. Свист, крики. Защищается снежный город. И все же к флагу, что полощется на крепостной белой башне, пробился один всадник. Ухватил древко рукою, умчался с трофеем под свист и улюлюканье. Среди болельщиков больше всех шумят и радуются ребята ербогачёнской средней школы. Победитель — их товарищ Станислав Мальцев. А рядом на широком просторе Тунгуски заканчиваются соревнования в забеге на оленьих упряжках. Неповторимое зрелище. Стремительно мчатся нарты, пушистый шлейф снега за ними. Кажется, что олéни обгоняют время.

Еще одни веселые соревнования. Гонки на верховых оленях. Не так-то просто удержаться верхом на бегущем олене. Один за другим в снег летят неудачливые всадники. И опять довольна ребятня. Никанор Каплин, учащийся их школы, — абсолютный чемпион!

Разжигание костра и приготовление чая (есть и такой вид спорта), стрельба по мишеням, забег на русских тройках, снежки, хоккей с мячом... Да разве перечислишь все, что наполнило радостью и хорошим волнением Весенний Праздник Охотника и Оленевода!

Это очень хорошо, очень здорово, когда Праздник Весны становится праздником каждого жителя далекого северного края. И ничего, что кругом снег и по ночам мороз еще сковывает льдом лужи, что нет вокруг зелени и цветов. На то он и север. Но цветут вокруг весенние добрые улыбки доброго нашего Человека-труженика.

С Первомаем тебя, далекий северный край!

За пять минут до старта...

И кажется, что олени обгоняют время.

Фото автора.

3. ЖИВИ ОДНА

Предстоял разбор персонального дела. Собственно, до разбора было еще далеко. Пока что на столе Колмакова лежал единственный документ — жалоба пенсионерки Елизаветы Григорьевны Ветровой на недостойное поведение в семье ее зятя, коммуниста Заплатина Ивана Поликарповича.

По немалому жизненному опыту и по опыту партийной работы Колмаков знал, насколько сложны и запутанны бывают такие вот, мягко выражаясь, «семейные конфликты».

Еще года не минуло, как Заплатин пришел в заводскую партийную организацию, и, если говорить по совести, Колмаков знал его мало. И знал только с хорошей стороны.

По партийной линии — ни одного взыскания. Токарь высшего разряда, золотые руки. От общественных поручений не уклоняется... Учится на третьем курсе вечернего техникума... Вроде бы непьющий. И вдруг пожалуйста — «семейный конфликт». С мордобоем, с битьем посуды. Ушел из дому. А дома двое ребят и жена не работает.

А все-таки почему он уехал из Новосибирска? Что его заставило уволиться с завода, на котором работал десять с лишним лет?

И работал хорошо. В трудовой книжке уйма поощрений, премий, звание ударника коммунистического труда.

Колмаков еще раз бегло пробежал заявление Ветровой. «...Тут он бросился на мою дочь Тамару с кулаками, и, если бы я не кинулась между ними, не прикрыла бы дочь своей грудью, он бы ее мог покалечить. Потом, чтобы сорвать зло, стал хватать со стола посуду и разбивать ее об пол. Напугал детей, и ушел из дому, и уже неделю находится неизвестно где.

Меня он гонит из дому, оскорбляет разными грубыми словами, а я не могу оставить в таком тяжелом состоянии дочь одну, с расстроенными нервами, потому что за десять лет замужней жизни он довел ее до нервного заболевания...»

Прежде чем вызывать на беседу Заплатина, Колмаков решил побывать в его семье, познакомиться с жалобщицей, поговорить с женой, на ребятишек взглянуть.

Заплатины жили в заводском одноэтажном доме старой постройки. От небольшой калитки к дому вела аккуратно расчищенная среди сугробов тропинка.

Открыв калитку, Колмаков приостановился, чтобы пропустить идущую навстречу женщину.

Поравнявшись с Колмаковым, она на миг задержала шаг, из-под приспущенного пухового белого платка на Колмакова с любопытством глянули большущие, редкой синевы глаза; он уже приоткрыл рот, чтобы поздороваться и спросить, как пройти к Заплатиным, но она, склонив голову, быстро прошла мимо и шагнула за калитку.

Колмаков не удержался, обернулся ей вслед. Как ни быстра, ни мимолетна была встреча, мужской глаз успел приметить и оценить прелесть свежего, кукольно-кругленького лица, и тонкие, чудесного рисунка брови, и пушистые кольца темных волос, выбившихся из-под белого пухового платка.

Двухкомнатная заплатинская квартира была тесновата, но неплохо обставлена. И тепло, и чисто, и уютно. Высокий, под самый потолок, книжный шкаф, битком набитый книгами. Рядом — подсвеченный электролампочкой большой аквариум. В изумрудно-мерцающей воде среди каких-то кустиков и водорослей сновали разные занятные рыбешки. Свежо и сочно зеленели на подоконниках комнатные цветы.

Не хотелось верить, что в этой чистой и тихой комнате еще недавно бушевал озверевший хозяин, хрустели под ногами черепки битой посуды, кричали перепуганные дети.

Молодой хозяйки дома не было.

Колмакова встретила Елизавета Григорьевна. Держалась она со сдержанной приветливостью, с тем спокойным достоинством, которое дает человеку сознание своей правоты.

Приоткрыв дверь в соседнюю комнату, она сказала негромко:

— Танюша, Ниночка, одевайтесь, идите гулять.

Из спальни вышли девочки. Старшая, худенькая, бледная, с рыжеватыми косичками, робко поздоровалась, присела на краешек дивана. Она неотрывно, хмуро, исподлобья смотрела в лицо Колмакова.

Младшая, синеглазая, румяная, в темных кудряшках, с застенчивым любопытством выглядывала из-за ее плеча.

— Танюша, я что сказала?— строго, но без раздражения повторила бабушка.— Одевайтесь и идите гулять.

Девочки послушно, но с явной неохотой поднялись и ушли в коридор. Вскоре хлопнула входная дверь.

— Жаль, Томочку вы не застали...

Елизавета Григорьевна присела на диван, провела ладонью по густым, без единой сединочки, темным волосам, поправила на виске пушистый завиток. Подняла на Колмакова синие печальные глаза.

«Черт, неужели?!»— ахнул про себя Колмаков.

— Не ее ли я сейчас повстречал у калитки? Такая из себя... в белой шали?

Губы Елизаветы Григорьевны дрогнули сдержанной горделивой улыбкой:

— Ну, коли заприметили, значит, она...

— Сколько же ей лет?— удивленно спросил Колмаков.

— Десятый год замужем...— неопределенно ответила Елизавета Григорьевна и тяжело, горестно вздохнула.— При ее жизни с Иваном Поликарповичем, от таких переживаний, ей бы уже старухой выглядеть можно. В меня, видно, зародилась: как ни тяжко, а виду все же не теряет... Первые годы они хорошо жили. Я в ихнюю жизнь не вмешивалась. Матери много ли надо? Жили бы дети дружно, были бы счастливы. Я ведь, Петр Захарович, троих вырастила. Вдовой осталась молодая. Всю жизнь в них вложила, ото всего отказалась, лишь бы их на ноги поставить. Всем образование дала, в люди вывела.

Поначалу и Иван Поликарпович ничем своего характера не оказывал, да и не на что ему было обижаться, какая уж там ревность? С первого года дети пошли, заработок у него небольшой был, что она видела? Нужда, заботы... Засела в четырех стенах, горшки да пеленки... Ни они в люди, ни люди к ним. Чтоб никто красоты ее не видел, чтобы, спаси бог, не поглядела она на кого...

Томочка учиться мечтала, образования она не получила, здоровьем была очень слабенькая. Девочки подросли, Томочка говорит:

«Ваня, пойду я учиться или хоть на работу пусти...»

Ну, тут и началось. Я приехала, посмотрела на ее жизнь, сердце кровью обливалось, а чем поможешь? Детьми связана по рукам, по ногам, да и боялась она его... Он ведь до ужаса мстительный... Такие-то они всегда мстительные.

Конечно, Томочка — женщина красивая, а он из себя неврачный. Надо было по себе жену брать, если уж характер такой ревнивый. Я про него ничего плохого сказать не могу. На работе его ценят, с людьми он уважительный, спокойный. И вина в рот не берет. Дочек любит. Одна беда — ревность. Люди-то не знают, а он ведь, как заревнует, делается вроде как не в себе. Такую, извините за выражение, чушь начнет собирать... то профессора какого-то придумает, то генерала.

Елизавета Григорьевна внимательно, испытующе посмотрела в лицо Колмакова.

— А подумал бы он своей сумасшедшей головой: кому она нужна с двумя детьми да с расстроенным здоровьем? Вы не смотрите, что она с виду такая полненькая да свеженькая. Он ее до полного расстройства нервной системы довел.

Она всхлипнула и торопливо поднесла к глазам платок.

— Сейчас я ему поперек горла встала. Одно твердит: «Уезжайте, мамаша...» А как я могу ее оставить?! Подумайте вы сами, Петр Захарович, как же я могу уехать?!

Елизавета Григорьевна, рыдая, припала головой к валику дивана.

— Успокойтесь, Елизавета Григорьевна, ну, не надо... успокойтесь...— морщась от жалости, бормотал Колмаков.

Уж чего не переносил он, так это женских слез. Особенно самых горьких — материнских слез.

Но Елизавета Григорьевна быстро справилась с собой.

— Вы только не подумайте, Петр Захарович...— торопливо отирая платком слезы, снова заговорила она,— не подумайте, что я в нем нуждаюсь. Я пенсию получаю, и, кроме Томочки, у меня еще двое детей. Дочь старшая, Зинаида, научный работник, и сын Шурик, недавно на инженера закончил. У обоих у них дети маленькие, я им обоим до зарезу нужна. У Зинаиды для меня и комната отдельная. Я, конечно, понимаю: Иван Поликарпович пар-

СТАРИ
Н

Мария ХАЛФИНА

тийный, ему вроде не положено с женой разводиться, но войдите вы в их положение, не удерживайте вы его, пусть он ее отпустит подобру. Не будет у них жизни, Петр Захарович, неровня они...

— А дети?— хмуро перебил Колмаков.

— Что же дети? Погибать, что ли, ей теперь из-за детей?! Танька большая, не захочет с нами, пусть с отцом остается, ну, а Ниночку уж мы, конечно, ему оставить не можем. И ничего нам не нужно, уедем в чем есть, пусть все им остается, пусть только развод даст... И еще скажу, пусть в наши семейные дела никто не суется. А то и здесь тоже находятся всякие... соседки добренькие, с советами лезут. «Они,— говорят,— без вас сами разберутся лучше. Уезжайте»,— говорят. А я мать. И не позволю никому совать нос в мои материнские права!

Колмаков поежился. Перед ним стояла совершенно другая женщина: взвинченная, старая, жалкая... И столько в ее глазах, в побелевшем лице было беспощадной, исступленной ненависти...

— Успокойтесь, Елизавета Григорьевна, я сегодня же с ним поговорю и с дочерью вашей повидаюсь...— торопливо поднимаясь, сказал Колмаков.

— Нет уж, Томочку вы оставьте в покое!— решительно перебила Елизавета Григорьевна.— Она и так уже руки на себя наложить готова. А ему передайте: Томку я погубить не дам. Я от своих материнских прав не отступлюсь, так ему и скажите!

Заплатина приглашать не пришлось. Сам явился. Пришел после смены, прямо от станка. Положил на стол заявление в две строчки,

---

См. «Огонек» №№ 14, 16, 17.

сел и, отвернувшись к окну, стал ждать неизбежных вопросов.

В заявлении он просил предоставить ему временно место в заводском общежитии.

Колмаков разгладил ладонью смятое заявление, искоса поглядывая на Заплатина, положил заявление в папку.

Все в этом человеке было ему неприятно. Рыжеватые волосы, уже редеющие над высоким с залысинками лбом. Серое неподвижное лицо, щеки запали, словно после затяжной болезни... В глаза не смотрит, слова цедит сквозь зубы... И еще: шея у него болит, что ли? Поворачивается всем корпусом... по-волчьи.

Вспомнилась встреча у заснеженной калитки. Миловидное личико, завитки темных волос в рамке белого пухового платка...

Да, пожалуй, не позавидуешь заплатинской

ЧТО КАМ АДО

жинке. При таком муженьке и красоте своей рада не будешь...

— У вас, товарищ Заплатин, есть дети?

Нужно было прежде всего выяснить, как этот ревнивец расценивает поступившую в партбюро жалобу тещи.

— Две девчонки... девять и семь лет...— Заплатин повел плечами, но головы не повернул, глаз от окна не отвел.

— Ну, и как же вы думаете?..

— Вам, товарищ секретарь, конечно, по чину положено во всех этих делах копаться...— перебил Заплатин. Губы у него перекосило, видимо, он считал, что улыбнулся.— Вы меня извините, но все эти разговоры ни к чему. Конечно, мне, как коммунисту, семью разрушать не положено, кодекс моральный не разрешает... Но нам с женой не по двадцать лет. Позвольте уж нам самим разобраться. Домой мне хода нет...

Он круто, всем корпусом повернулся от окна к Колмакову.

— Я в доме посуду побил!

Видимо, он считал, что это признание должно ошеломить секретаря. Похоже, он эту самую посуду колотит не часто, да, видимо, и о жалобе тещи он еще ничего не знает...

— Скажите, товарищ Заплатин, а часто у вас в семействе случаются такие вот... потасовки?

— Ну, а если я скажу, что в первый раз, вы же все равно не поверите?

— Почему же я должен вам не верить?— стараясь не смотреть на искаженное кривой улыбкой лицо Заплатина, насколько мог мягко возразил Колмаков.— Мы же коммунисты... Иван Поликарпович...

— Я же посуду побил, вы понимаете?!— Заплатин, скрипнув стулом, придвинулся к столу Колмакова.— Не кинулись бы девчонки... не повисли бы на мне... Ладно, что соседей дома не было, а то без милиции дело бы не обошлось. Я из дому побежал — девчонки за мной, ревут: «Папуленька... папуленька!» Сели мы с ними в скверике...

Заплатин с трудом проглотил перехвативший горло спазм.

Колмаков придвинул к нему стакан воды и, склонившись к нижнему ящику стола, начал рыться в старых папках.

Дав Заплатину время отдышаться, спросил негромко:

— Как же вы все-таки с девочками-то думаете решать вопрос?

— А я теперь никаких вопросов решать не могу, поскольку я уже посуду бить начал... Теперь они все решают...

— Кто они?

— А теща и супруга моя с генералом...

«Мать честная, правильно теща-то говорила, не в порядке у мужика с головой!»

— Какой... генерал?!— растерянно спросил Колмаков.

— Супругу мою, Петр Захарович, замуж просватали... за генерала. Вот в таком разрезе. Так что о ее дальнейшей судьбе вы можете не беспокоиться. И девчонками они распорядились просто. Поделим поровну, без обиды. Танюшку мне, Нинку им. У генерала детей нет, так он согласен довеском к супруге моей Тамаре Васильевне и Нинку взять.

— А девочки как? Согласны?

— Да кто же их согласия спрашивает? Их дело телячье. Тут уж не до их согласия, когда генерал в мужья наклюнулся.

Заплатин опять, скрипнув стулом, повернулся к окну.

— Девчонки между собой дружные, привязаны друг к другу. Так ведь у нее, у тещи-то, ни совести, ни жалости ни на грамм нету. Нинке она что хочешь спустит, Нинка — любимица, на мать похожа, красивенькая... А Танюшка в меня уродилась. Бабка, как разозлится, начинает поливать: «Пакля рыжая... чухна конопатая... Заплаткина порода». А Нинка плачет: «Разве Таня виновата, что на папу походит?»

Супруга моя—красавица, а я, сами видите, лицом не задался. Теще брюнеты по вкусу, а я и мастью не вышел, фамилия моя — и та ей ненавистна. Она как захочет Томку побольнее задеть — начинает ее величать «мадам Заплаткина»...

— Из этих слов я могу понять, что вашей жизни с женой мешает ее мамаша...— осторожно начал Колмаков.— Может быть, вам действительно лучше пожить одним, разобраться в отношениях?.. Ведь у нее, насколько мне известно, есть другие дети...

— Некуда ей ехать... Никому она не нужна...— угрюмо отозвался Заплатин.— Ни с кем она не уживается. У сына два раза жила, невестка — змея, видишь, с сыном ее, с Шуриком, развела. К старшей, к Зинаиде, переехала — зять не по душе. У нас тоже третий раз живет. Старшие дети ей не больно и нужны. Для нее один свет в окошке — Томка. И ее поедом ест: зачем за неровню замуж шла... Мы же из-за нее и из Новосибирска уехали... Только начали здесь по-человечески жить, девчонки душой оттаяли, а она опять прикатила... Судьбу Томкину с генералом устраивать... Овдовел генерал-то, на нашу беду...

Опять этот проклятый генерал... Все вроде ничего, рассуждает нормально, здраво, а потом опять — генерал...

— А может, Иван Поликарпович, вам отдохнуть бы поехать? Я поговорю с завкомом, выбьем путевочку в санаторий. Отдохнете, тогда и будем решать, что делать...

— А может быть, вы мне в психиатричку путевочку охлопочете?— покривился Заплатин.— Ладно, Петр Захарович, вы мне в общежитии место дайте и, попрошу вас, воздержитесь, не вмешивайтесь пока в мои дела. Я пошел.

Он встал и, не прощаясь, сутуло сведя под спецовкой худые плечи, длинный, нескладный, молча пошел из кабинета.

* * *

Дня не хватало. Дела, одно другого важнее, спешные, неотложные, обступали со всех сторон.

Завод переходил на пятидневную неделю, предстояло общее партийное собрание, готовились к открытию нового заводского дома культуры.

А с ума не идет Заплатин с его «семейным конфликтом». Легко сказать, не вмешивайся пока, воздержись... Попробуй воздержись, если торчит оно, как заноза в пальце, тревожит, не дает покоя.

Идешь по цеху — вот он, Заплатин, склонился над станком, худой, сутулый, с серым, окаменевшим лицом.

То вдруг в напряженной сутолоке дня тревожно кольнет мысль: как она там сейчас, эта... синеглазая? Молодая еще, глупая, натворит беды, будет потом всю жизнь казнить себя...

То встанет перед глазами искаженное злобой и болью лицо матери...

И девчонки... большие ведь уже, все понимают... «Папуленька... папуленька...» По силам ли хрупкому ребячьему сердчишку такое испытание — разрываться между матерью и отцом?

Нельзя дальше тянуть. Не может он, не имеет он права воздерживаться. И право его и долг его — искать выход из людской беды.

* * *

На столе его ждала почта. Извещение горкома о семинаре... Бланки отчета... Приглашение военкомата на встречу ветеранов войны с призывниками.

Колмаков вскрыл последний конверт. Три страницы убористого машинописного текста... Бросилось в глаза первое слово обращения — «мама» и восклицательный знак.

Колмаков потянулся за брошенным в корзину конвертом. Нет, все правильно: наименование завода, партбюро... секретарю. Ну что же, товарищ секретарь, выходит, кому-то нужно, чтобы ты прочитал это чужое письмо, адресованное чьей-то чужой маме...

«Мама! Я получила письмо депутата райсовета товарища Анисимовой, которая живет рядом с вами. Итак, ты своего добилась: развела Ивана Поликарповича с Тамарой...»— прочитал Колмаков и тихонько присвистнул.— «...развела Ивана Поликарповича с Тамарой. Но тебе этого показалось мало. Чтобы свалить вину на Ивана, ты грозишь написать на него жалобу в партбюро.

Предупреждаю: копию этого письма я одновременно высылаю секретарю его парторганизации.

Я не могу позволить тебе клеветать на такого чистого и честного человека, как Иван Поликарпович. Через неделю начинаются каникулы, я за тобой приеду. Пишу тебе это письмо для того, чтобы раз и навсегда все обговорить и не вступать с тобой в личные объяснения.

Говорить с тобой невозможно. Любой разговор ты превратишь в дикий скандал, с истерикой и визгом.

Не обижайся, что я пишу о наших семейных делах всю правду, ничего не скрывая.

Пришло время поставить точки над i.

Секретарь парторганизации, к которому ты сама обратилась, для Ивана да и для всех нас человек не чужой. Он должен во всем разобраться и понять, как могли в нашей семье сложиться такие тяжелые отношения.

Я прекрасно знаю, на что ты делаешь упор в своей жалобе. Во-первых: оставшись молодой вдовой, ты самостоятельно воспитала троих сирот-детей. Жертвуя ради детей личной жизнью, всех поставила на ноги, дала им образование.

Второе: Тамара, истерзанная неудачным браком с Иваном Поликарповичем, доведена его ревностью до нервной болезни, и твой мате-

ринский долг и твое материнское право не оставить дочь в беде, вмешаться в их жизнь и т. д. и т. п. Другими словами, добиться от Ивана развода.

Никогда ни я, ни Шурик, даже во время твоих диких скандалов, ни в чем тебя не упрекали.

Мы тебя любили. Ты для нас была самой красивой, самой умной. Мы гордились тобой. Мы могли обвинять кого угодно и в чем угодно, но только не тебя. Ты всегда была права.

Ты была уверена в нашей любви. Ты внушила себе, что твой материнский авторитет в наших глазах ничто не может поколебать. Ничто не может лишить тебя нашей привязанности и уважения.

А ведь все это осталось в прошлом. Не все можно забыть и простить — даже матери.

Несколько слов о твоих «жертвах ради детей». Когда мы были маленькими, ты много работала, чтобы прокормить и одеть нас. Но никогда в своей «личной жизни» ты не считалась с нами.

После смерти папы ты трижды выходила замуж. Но ты ни с кем не могла ужиться. Второй из твоих мужей мог заменить нам отца. Мы уже начали к нему привязываться. Особенно Шурик, ему так нужен был отец. Тамары еще тогда не было. Не знаю, что между вами произошло, я была девчонка, страстно тебя любила и, конечно, считала, что в разрыве был виноват он.

Он ушел, ты привела третьего. Родилась Томка, но ты уже начала увядать, а он был моложе тебя. Начался в нашей несчастной семье ад кромешный. Ревность, скандалы, взаимные оскорбления. И все это происходило на глазах Шурика и Томки.

И после разрыва с ним ты себе ни в чем не отказывала. Мы жили в деревне. Сколько грязных сплетен, обидных намеков, прямых оскорблений пришлось мне и Шурику проглотить, пока мы не уехали в город!

Напомню тебе одну сцену. Я, обливаясь слезами, умоляла тебя не ездить больше вдвоем с Матейкиным в лесхоз, потому что Матейчиха грозит «выхлестать» в нашем доме окна.

Ты влепила мне две полновесные оплеухи, потом закатила истерику, а я целовала тебе руки, просила прощения. А на кровати в два голоса кричали Шурик и Томка.

Через несколько часов ты, веселая и нарядная, уехала в лесхоз. И, конечно, не одна.

Теперь о нашем образовании. Я благодарна тебе, что ты дала мне возможность закончить десятилетку и поступить в институт.

Шурик этого был лишен. Закончив семь классов, он бросил школу, потому что после моего отъезда в город некому было возиться с хозяйством. В те трудные годы жить в деревне без коровы, без свиньи, без огорода было невозможно.

Перейдя на четвертый курс, я забрала Шурика к себе, и только тогда он смог закончить школу и начать готовиться для поступления в вечерний институт.

Я не выходила замуж, чтобы учить Шурика, а потом нужно было помогать и тебе. Хозяйство ты ликвидировала, начала прихварывать, а красавица Томочка требовала немалых расходов.

Ты же считала, что я не могу выйти замуж, потому что некрасива,— ты ведь в женщине ценишь только красоту.

Ты с сочувственной улыбочкой величала меня «вековушкой» и «христовой невестой».

Так вот: образования мне и Шурику никто не давал. Мы его получили сами. А Тамара не получила ни высшего, ни даже среднего. И в этом повинна только ты.

С пеленок ты внушала ей, что она красавица и что ее сила и счастье в красоте и женском обаянии.

Она ушла из восьмого класса, и ты с этим мирилась. Она металась от одного дела к другому. Курсы английского языка (станешь переводчицей, будешь вращаться среди иностранцев); курсы стенографии (устроишься секретарем к начальнику, будешь вращаться среди больших людей); какие-то курсы художников-гримеров (поступишь в театр, будешь вращаться среди артистов).

И ни одно дело не было доведено до конца, потому что ты не приучила ее к труду, к усилию.

Тамара осталась недоучкой, не получила никакой определенной специальности.

Целью твоей жизни было одевать Томочку соответственно ее красоте, чтобы она могла «вращаться» и в конце концов найти себе «подходящего» мужа.

Ради этой цели ты действительно шла на любые жертвы, отказывала себе во всем, требовала помощи от меня и Шурика.

Но надежды твои на Томкину красоту не оправдались. Не нашлось «большого начальника, ни профессора, ни генерала». Была неплохая кандидатура, полковник Сотников, он в Тамару был не на шутку влюблен, но все же не решился ради нее разойтись с женой. Ты тогда от греха отправила Тамару к тетке в Новосибирск, и там ей выпала настоящая удача. Она встретила Ивана Поликарповича.

Оказалось, что ты не до конца искалечила ее духовно. Она смогла понять, какое это счастье для женщины — заслужить любовь такого человека, как Иван. И она тоже полюбила его. Я уверена, что она и сейчас его любит, и, если бы не твое вмешательство, не твоя ненависть к Ивану, они счастливо прожили бы всю жизнь.

Ты делала все, чтобы отравить им отношения. Ты в присутствии Ивана говорила Томе: «С тебя картину писать или статую лепить... Ты своей цены не сознаешь... Тебе бог красоты полную меру отвалил, а умом да уменьем обделил...» Это в том смысле, что Тамара себя «продешевила», не сумела, на худой конец, «хоть инженеришку какого заарканить».

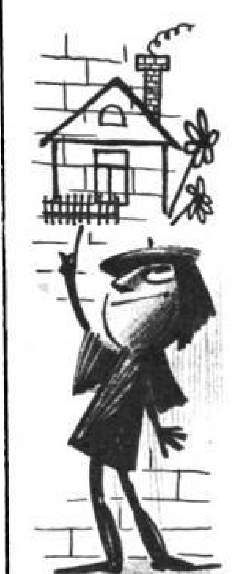
Но тогда Томка не позволила тебе развести ее с мужем, хотя с каждым твоим приездом отношения их все ухудшались. После очередного скандала ты уезжала от них к Шурику или ко мне.

Было время, когда Наташа, бросив учебу, чтобы дать возможность Шурику закончить институт, была тебе «милей родных детей». А теперь, когда Шурик стал инженером, а Наташа, замотавшись с детьми, осталась «простой лаборанткой», она стала нехороша. И хозяйка она плохая, и мать никудышная, и «здоровьем гнилая».

Ты могла им оказать огромную помощь, за-

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

Борис ВИНОГРАДОВ

Чик-чик — и готов!

Умелый перочинный ножик превратил кусочек угля в маленького Черного человечка.

Голова, руки, ноги. И даже волосы торчат ежиком.

Человечек встал на ноги и огляделся по сторонам — просторная комната, большое окно. Солнечные лучики воюют с ветками — пытаются пробраться в комнату, а ветки их не пускают, дорогу загораживают, шумят.

«Надо же, как интересно,— подумал Черный человечек.— Жил я, жил, ничего подобного не видал, а стал человеком — и мир переменился. Очень интересно».

И Человечек сделал несколько шагов по столу.

И вдруг... На столе остались следы.

Пятна, линии.

Пятна, линии.

«Что такое?— подумал Человечек.— Очень интересно». И опять пошел — налево, направо, прямо, обратно.

И... Смотрите, получилось что-то похожее на рисунок. То ли куст, то ли дерево.

«Какая удача,— обрадовался Человечек.— Оказывается, я художник. Это замечательно.

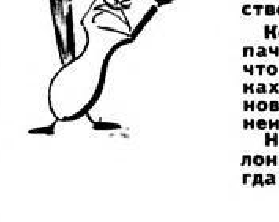
Я буду рисовать, рисовать, рисовать.

Все, что вижу, все, что мне нравится, и пусть люди радуются вместе со мной.

Но только вот что... Я не хочу прятать мои рисунки в пыльные альбомы — я буду рисовать на стенах, на асфальте, на стекле. Как это интересно!»

И Черный человечек начал свою творческую жизнь.

То тут, то там стали появляться самые различные картинки — черные мальчишки, черные девчонки, черные домики.

Рисунки были разные: и смешные, и грустные, и большие, и маленькие. Некоторым они нравились, но не всем.

Ничего не поделаешь — искусство.

Кое-кто поговаривал, что нечего пачкать стены какой-то мазней, что настоящие художники на стенах не рисуют, все это какая-то новая, дешевая мода, пришедшая неизвестно откуда.

Но больше всех волновались Колонковые кисти. От злости они иногда даже теряли волоски.

— Какая профанация искусства,— шипели Колонковые кисти.— И ведь находятся невежи, которым это нравится, хотя давным-давно известно, что настоящие картины рисуются красками!

— Крас-ками!

— Какое безобразие!

Трудная жизнь досталась нашему Человечку. Он похудел, стал меньше, тоньше, но работал и работал, не думая об отдыхе.

Одни рисунки кто-то стирал, другие смывал дождь с асфальта, а он все рисовал, рисовал и рисовал.

Теперь уже многие признавали его способности, но кое-кто по-прежнему выражал недовольство.

— У него очень ограниченные возможности,— шуршали кисти.— Ведь не может же он нарисовать солнце! Яркое, красное солнце! А это значит, что он не настоящий художник!

И Человечек это услышал. И решил немедленно нарисовать солнце.

Да, в своей манере, одним цветом, но солнце.

Человечек на секунду остановился, чтобы собраться с силами, но вдруг понял, что его осталось мало.

Ведь он творил не каким-то посторонним предметом, а самим собой.

На стены и на асфальт каждый раз ложились частицы его самого, а при такой системе, конечно, долго не продержишься.

И художник задумался: что же делать?

Нарисовать или нет?

Может быть, сохраниться и тихо дожить свой век где-нибудь на полке среди бесполезных сувениров, рассуждая о том, что такое искусство?

А что скажут кисти?

Они скажут, что он не смог нарисовать солнце. Стоило ли тогда менять свой прежний облик?

Кусочек угля может и провалиться где попало, а Человек...

И он нарисовал солнце.

И израсходовался весь.

С последним лучом его не стало. Но теперь все увидели, что это был настоящий художник.

Не надо плакать и не надо его жалеть — он остался с нами. Ведь художник превращал частицы себя в дома и деревья, снег и цветы.

И катится по белой стене черное солнце, рожденное светлым, неумирающим талантом.

МАРИНА ВЛАДИ В ФИЛЬМЕ О ЧЕХОВЕ

Bonjour aux lecteurs de „Ogoniok“
Marina Vlady

Марина Влади, французская актриса, не раз бывала в СССР. И каждый раз признавалась с восторгом, что любит нашу страну все больше, все сильней. Она мечтала сыграть роль в советском фильме, работать с советским режиссером. Такой день пришел.

Более десяти лет назад Сергей Юткевич встретился на Каннском фестивале с совсем еще юной артисткой и тогда же сказал, что хотел бы снять ее в своей картине. Теперь подходящая роль нашлась.

...Знакомый москвичам дом на Красноармейской улице. Но прохожие не сразу узнают его. Большие, непривычного шрифта буквы возвещают: «Женская гимназия»! У подъезда шел странный снег, крупными квадратными хлопьями. Две молодые, нарядные дамы и несколько девушек здоровались; девушки церемонно приседали...

Снимался эпизод из нового фильма Сергея Юткевича «Сюжет для небольшого рассказа» по сценарию Л. Малюгина. Это будет фильм об Антоне Павловиче Чехове и его знаменитой «Чайке».

Съемки фильма начались. Марина Влади — Лика Мизинова еще не успела «влюбиться» в Николая Гринько — Чехова. Однако с Ией Саввиной, играющей Марию Павловну, она подружилась уже не только «заданной», сценической дружбой!

Н. ЗЫБИНА

На снимке: Марина Влади — Лика (вторая слева), рядом с ней Ия Саввина в роли Марии Павловны.

Фото Е. Умнова.

нялась бы детьми, дала бы Наташе возможность учиться, ведь она еще совсем молодая.

Но ты не можешь ни с кем жить мирно. Когда-то ты сама называла Шурика «теленком» за его спокойный и добрый характер. А за два последних года, пока ты жила с ними, он превратился, как он сам говорит, «в истеричную бабу». Он стал бояться приходить после работы домой, потому что ты своими оскорбительными выпадами против Наташи и детей редкий день не вызывала его на скандал и ссору.

Ты дважды переезжала от них ко мне, заявляя, что «у тебя больше нет сына, что с Шуриком все покончено».

Ты могла у меня жить, пока я была «христовой невестой». Никогда мы не жили с тобой душа в душу. Просто я старалась меньше бывать дома и не позволяла тебе заводить разговоров о Томке и Шурике.

Но вот появился Борис — самый дорогой для меня человек. Ты его возненавидела. Напомню тебе один факт. Борис привез меня с Аленкой из родильного. Ты все приготовила к встрече, украсила праздничный стол, хлопотала подле меня, но когда я развернула Аленку, ты присмотрелась к ней и сказала с соболезнующей улыбкой: «Боже мой! К сожалению, вся в отца!»

Если бы не доброта Бориса и не его чувство юмора, поверь, я ни одного дня не вынесла бы твоего присутствия в своей семье.

Еще раз вернусь к Тамаре и Ивану Поликарповичу. Чем объяснить, что ты вдруг сорвалась и уехала к ним, хотя, уезжая от них два года тому назад, ты заявляла, что нога твоя больше никогда не будет в их доме?

Ты узнала, что бывший Тамарин поклонник, теперь он уже не полковник, а генерал Сотников, овдовел. На днях я узнала, ты с ним виделась, не знаю — в качестве свахи или сводни.

Не знаю, о чем вы с ним договорились, но ты помчалась к Тамаре, ты сумела спровоцировать Ивана на скандал.

Через несколько дней я приеду. Я не верю, что Томка способна на подлость и предательство. И надеюсь, что ты не до конца убила в сердце Ивана его любовь к Тамаре.

Для тебя я сняла хорошую частную комнату. Ты будешь жить одна. Я и Шурик обязуемся выплачивать тебе по двадцать рублей в месяц. С твоей пенсией это составит приличную сумму. Ты будешь свободна, независима, может быть, наконец это принесет тебе покой.

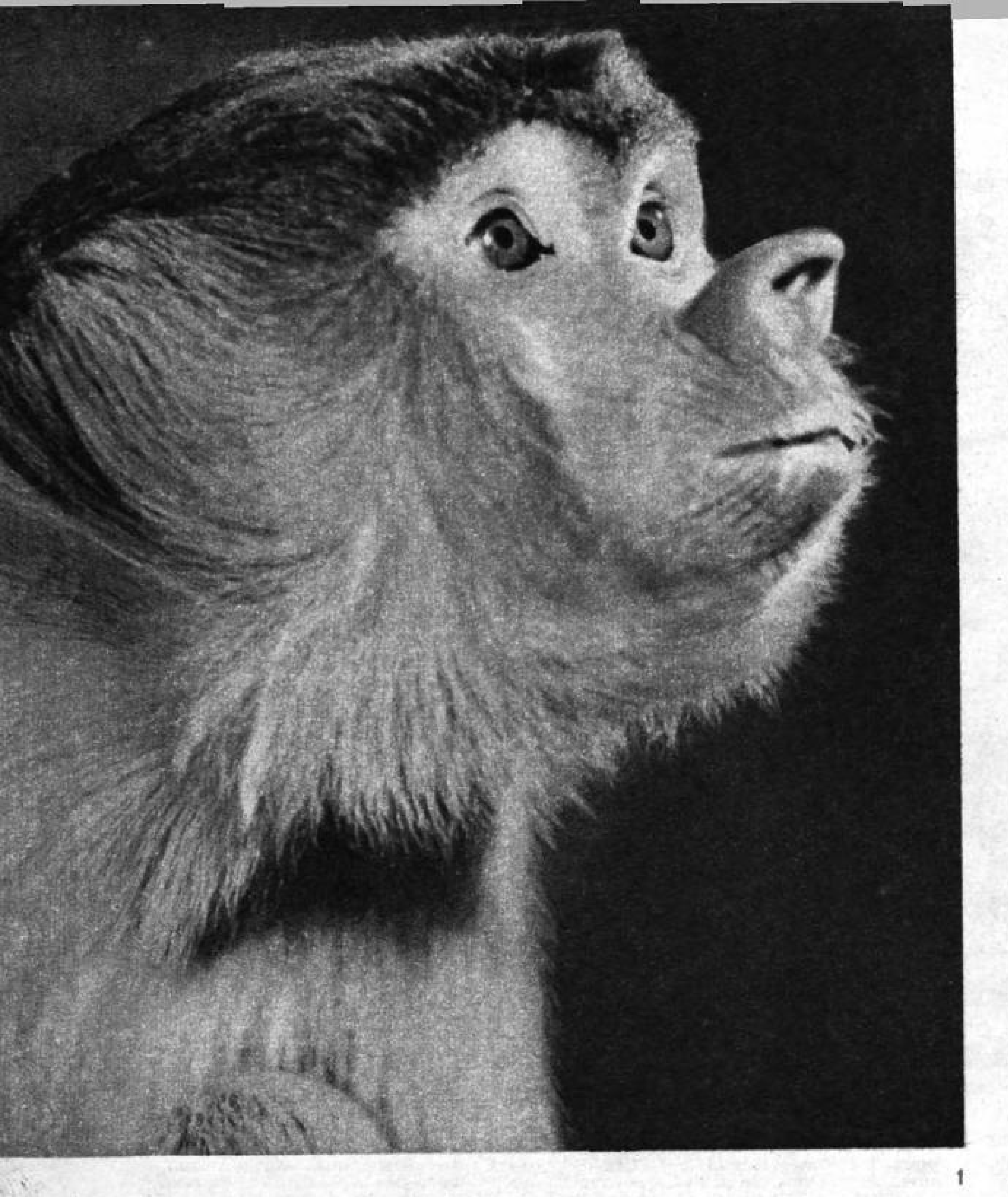
Ты сможешь в любое время приходить к нам, ты будешь дорогой гостьей, но никогда больше мы не позволим тебе отравлять жизнь нам и нашим близким.

Зинаида».

Внизу, под подписью Зинаиды, Колмаков прочел коротенькую приписку, сделанную от руки химическим карандашом:

«Мама, письмо это я прочитал и, как коммунист, подтверждаю, что в письме этом нет ни одного неправильного или несправедливого слова. Согласен с Зиной, что тебе нужно жить отдельно и самостоятельно. И тогда все будет хорошо. Не обижайся. Александр».

Продолжение следует.

1

2

3

ЖИВЫЕ РЕДКОСТИ

4

5

6

Во всех странах мира сейчас насчитывается более 600 зоологических парков и садов. Московский, старейший в нашей стране зоопарк со многими из них поддерживает деловые связи. Мы нередко получаем от зарубежных друзей печатные издания, обмениваемся письмами, информацией и коллекционируем фотографии наиболее интересных и редких питомцев, которых нет в отечественных зоопарках.

Давайте познакомимся с некоторыми редкими животными зарубежных зоопарков.

В Сан-Диего (США) живет целое семейство удивительных носатых обезьян, родина которых — остров Борнео (фото 1). Очень плохо переносят они неволю: кроме Сан-Диего, носачи содержатся лишь в 4—5 зоопарках. Эти животные питаются листьями мангровых деревьев, которые растут только в тропиках. Когда носач сердится, кричит, нос у него поднимается вверх. Есть и еще одна особенность — перепонки между пальцами лап. Носачи быстро плавают.

Директор Токийского зоопарка прислал нам на память свою «семейную» фотографию (фото 2). Как видите, он дружит с удавом.

А эта веселая компания расположилась на лужайке в зоопарке Турина (фото 3). Ребятишки очень довольны обществом горной гориллы.

Существует два вида горилл, этих огромных, самых больших обезьян в мире. Береговые населяют леса западного побережья тропической Африки, а горные живут в районах Центральной Африки. Рост береговых — до 180 сантиметров, горных — более двух метров. Сейчас гориллы содержатся в 80 зоопарках мира.

Животное, изображенное на фото 4, стало известно ученым сравнительно недавно. До 1900 года о его существовании знали только жители Конго и Уганды. В конце XIX века удалось раздобыть шкуру и череп этого животного, а вскоре посчастливилось и поймать его. Назвали окапи. Внешне она похожа на антилопу, а у самцов, как у жирафов, на голове слабо заметные рожки. Сохранились в труднопроходимых джунглях Конго и Уганды. Сфотографированная окапи живет в зоопарке Западного Берлина.

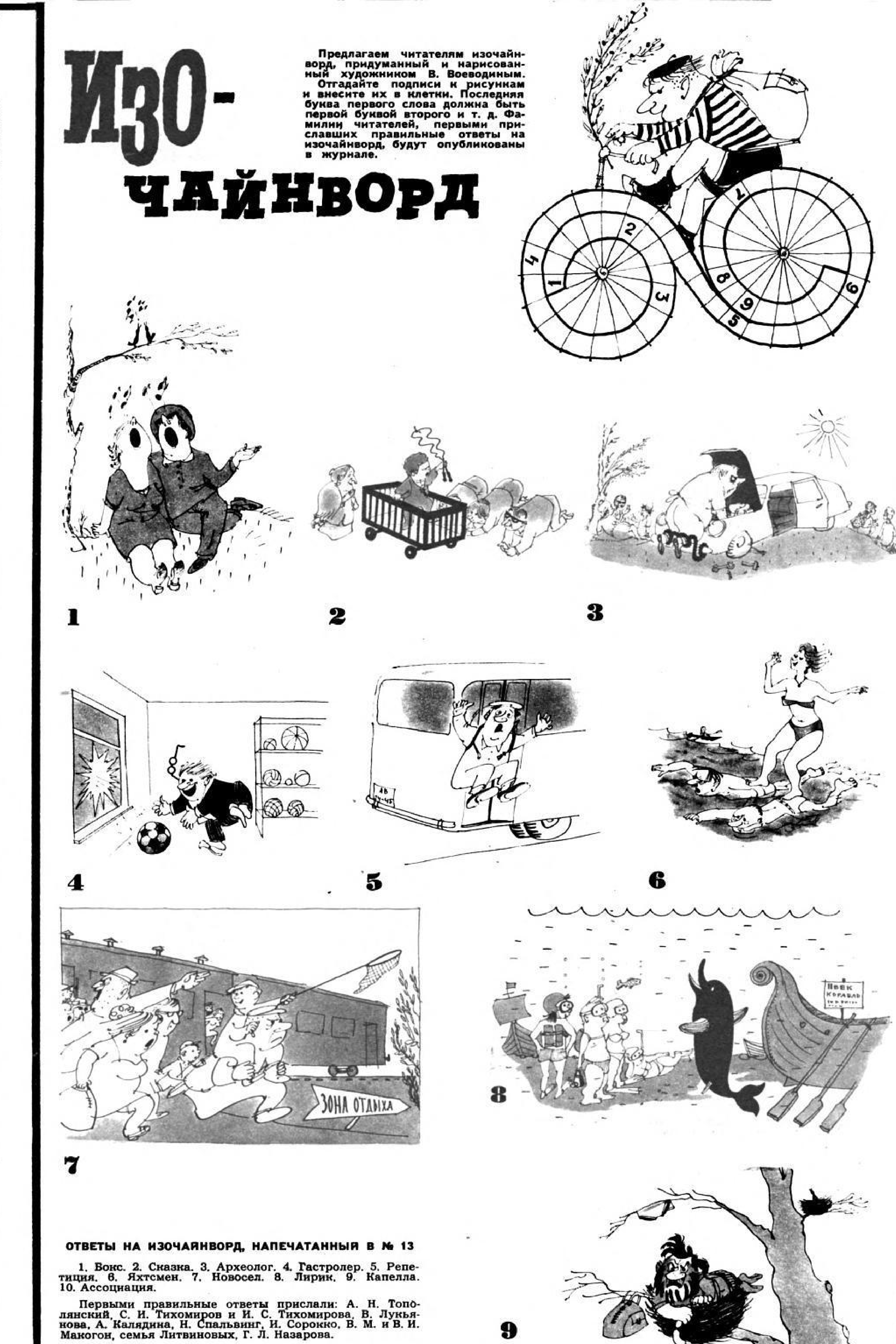
Весьма симпатична мордочка у малой панды (фото 5), которая доставляет большое удовольствие посетителям Копенгагенского зоопарка. Живет она в горных районах Китая и в Гималаях. Малая панда — обитатель лесов, она ловко лазит по деревьям. Спит днем в дуплах или среди ветвей. К вечеру пробуждается и осторожно спускается на землю за сочными растениями, корешками, насекомыми, ягодами, не прочь полакомиться фруктами или разорить птичье гнездо.

Большую птицу вы видите на фото 6. Это китоглав. Попала она в Берлинский зоопарк (ГДР) с берегов Белого Нила. Высокие ноги поддерживают короткое туловище, покрытое серым оперением, а плотная шея — непомерно большую голову с огромным клювом. Служащего, который ухаживает за китоглавами в Берлинском зоопарке, птицы встречают низкими поклонами. Китоглав — хищник, мощным ударом клюва убивает рыб, лягушек, грызунов и глотает их целиком.

И. СОСНОВСКИЙ,
директор Московского зоопарка

ИЗО-ЧАЙНВОРД

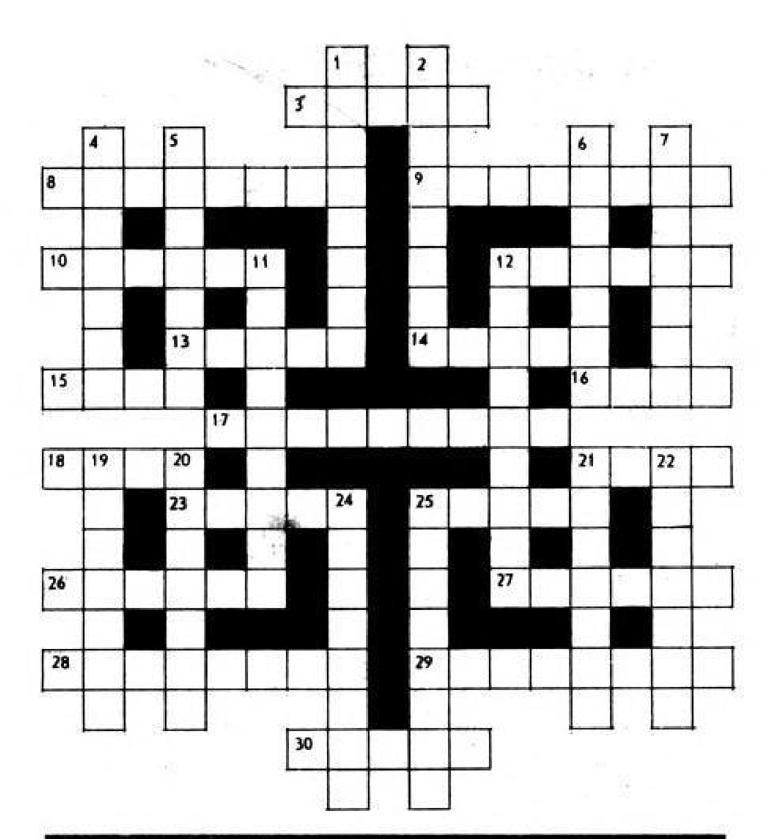
Предлагаем читателям изочайнворд, придуманный и нарисованный художником В. Воеводиным. Отгадайте подписи к рисункам и внесите их в клетки. Последняя буква первого слова должна быть первой буквой второго и т. д. Фамилии читателей, первыми приславших правильные ответы на изочайнворд, будут опубликованы в журнале.

ОТВЕТЫ НА ИЗОЧАЙНВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

1. Бокс. 2. Сказка. 3. Археолог. 4. Гастролер. 5. Репетиция. 6. Яхтсмен. 7. Новосел. 8. Лирик. 9. Капелла. 10. Ассоциация.

Первыми правильные ответы прислали: А. Н. Тополянский, С. И. Тихомиров и И. С. Тихомирова, В. Лукьянова, А. Калядина, Н. Спальвинг, И. Сорокко, В. М. и В. И. Макогон, семья Литвиновых, Г. Л. Назарова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Время года. 8. Сорт конфет. 9. Актриса МХАТа. 10. Вокальное произведение. 12. Город в Югославии. 13. Ткань для подкладки. 14. Лососевая рыба. 15. Белорусский поэт. 16. Государство в Азии. 17. Сезон судоходства. 18. Химический элемент. 21. Кондитерское изделие. 23. Пионерский лагерь в Крыму. 25. Река в Европейской части СССР. 26. Тропический циклон. 27. Немецкий писатель. 28. Жанр камерной музыки. 29. Озеро в Канаде. 30. Автор революционной песни «Смело, товарищи, в ногу!».

По вертикали:

1. Приток Иртыша. 2. Соотношение двух звуков по их высоте. 4. Персонаж романа М. Горького «Мать». 5. Столица автономной советской республики. 6. Юмористический журнал, в котором сотрудничал А. П. Чехов. 7. Стихотворное произведение. 11. Лента из цветной бумаги. 12. Единица измерения длины. 19. Действующее лицо оперы Д. Верди «Аида». 20. Симфония П. И. Чайковского. 21. Вид городского транспорта. 22. Заголовок раздела, главы. 24. Массовое народное гулянье. 25. Искусственная кожа.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

По горизонтали:

7. Буотама. 8. Алфавит. 9. Вазелин. 10. Парапет. 13. Капот. 14. Балласт. 16. Ленский. 17. Шелковица. 22. Дербент. 23. Ящерица. 24. Укроп. 27. Сицилия. 28. Поленов. 29. «Кирилка». 30. Австрия.

По вертикали:

1. Гамбит. 2. Балхаш. 3. «Журавель». 4. Аттестат. 5. Паганини. 6. Кинетика. 11. Варакушка. 12. Вожеватов. 15. Трент. 16. Лоция. 18. Бразилия. 19. Реквизит. 20. Четверть. 21. Симфония. 25. Шишков. 26. Корвет.

Обложка работы художников О. Савостюка и Б. Успенского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00072. Сдано в набор 8/IV-68 г. Подписано к печ. 23/IV-68 г. Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 000 000 экз. Изд. № 596. Заказ № 859.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ВЕСНА ПРИШЛА НА СТАДИОНЫ

Рисунок Ю. Черепанова.

БАЛЕРИАНКА
-А вы за кого болеете?
ВЕСНА
-Гражданочка, а у вас нет лишнего билетика?
-Хорошо, что я уговорил детей не ехать..
-И не проси, сегодня я иду на футбол...
-На пожар спешите?
-Нет, на футбол!

9-18

MAY

маі

1 МАЯ

Цена номера 30 коп. Индекс 70663